

А. Поздняков

ДАЛИГАЛА

Пьеса в одном действии

Год создания: 2014

Действующие лица:

Сальвадор Дали

Гала, его жена

Молодой человек

Сцена украшена увеличенными копиями картин: «Портрет Поля Элюара», «Портрет Пикассо», «Корзинка с хлебом», «Постоянство памяти», «Открытие Америки усилием сна Христофора Колумба», «Христос

Святого Иоанна Креста», расставленными и (или) развешанными в произвольном порядке. Над ними – две крупные транспарантные таблички с надписями: «SALVADOR DALI» и «AVIDA DOLLARS». В центре интерьерной композиции, в глубине, – массивная двустворчатая дверь. Рядом стоит подставка для тростей. В углу, на ступенчатом постаменте, расположено золоченое кресло, в форме трона. В противоположном углу – напольное зеркало. Выходит Дали, в элегантном костюме, с тростью в руке. Неторопливо продефилировав по сцене, он останавливается возле рампы.

Д а л и (*оглядев зал*). Ну что? Все готовы? Можно приступать к волшебству?
Отлично. Для начала позвольте представиться. Меня зовут Сальвадор Дали. И пусть хоть кто-нибудь скажет, что ему неизвестно это имя. (*Пауза.*) Молчание. Естественно. Иначе и быть не могло. В конце концов, не так уж и много гениев дала наша убогая, немощная эпоха. Все наперечет. Надеюсь в том, что перед вами один из них, сомнений нет ни у кого? Или все же есть? Только, заклинаю, не спешите в этом признаваться. Чтобы не попасть впросак. Меня ведь как только не называют. И снобом. И бездарностью. Дешевым конъюнктурщиком. Извращенцем. Придурком, окончательно свихнувшимся на старости лет от своих бредовых фантазий. В принципе, это не так уж и плохо. Кто поднимет руку на дурачка? Какой с него спрос? Но вот какая интересная штука. Все, кто это говорят, умерли бы от счастья, если бы я пригласил их к себе на ужин. Или позволил хотя бы просто поотираться без всякого результата в приемной. А уж сфотографироваться со мной для какого-нибудь глянцевого отстойника было бы для них просто пределом мечтаний. И это доказывает только одно. Что? Правильно. То, что все они придурки в гораздо большей степени, чем я. Ведь мои чудачества это всего лишь приправа. Пряный соус. К моему гениальному искусству. Сразу хочу заметить: моя исключительность проявилась уже в самом раннем детстве. Я долго, почти до отрочества, мочился в постель. Без всякого умысла. И не по болезни. А так, из вредности. Хотя нет, вру. Какой вредности. Просто я находил в этом удовольствие. Кое-кто может в этом месте резонно хмыкнуть. «А причем тут, простите, исключительность? И, уж тем паче, гениальность». На что его более тонкий, не в смысле габаритов, сосед лишь усмехнется. В усы. Если они есть. И мудро промолчит. Уж он-то знает: незаурядность – это всегда противопоставление. И ненасытная вечнозеленая претензия. В шесть лет я хотел быть ... кем бы вы думали? Поваром. В семь – уже Наполеоном. С тех пор мои амбиции неуклонно росли. В пятнадцать я понял, что самая высокая мечта – это стать Дали. И стал им. Как вы уже наверно догадались, скромность не числится в списке моих пороков. Кто знает, может быть, именно поэтому мои родители боготворили меня. Вследствие чего я очень быстро установил в доме абсолютную деспотию. Все готовы были служить мне, как персидскому падишаху. Однажды на какой-то праздник я обнаружил в куче подарков королевское облачение. Сияющую золотом корону с огромными стекляшками. И мантию из крашеного под горностай кролика. С тех пор я не расстаюсь с этим одеянием. А вот под конец жизни получил еще и трон. Уже, надо заметить, совсем не бутафорский. Он вполне соответствует моему теперешнему статусу. И великому предназначению. В котором у меня с самого начала не было никаких сомнений. Страсть к рисованию обуревала меня с младых ногтей. Еще не умея толком держать в руке вилку, я уже выцарапывал ею уток и гусей на обеденном столе. В восемь лет мне отдали под мастерскую прачечную на крыше нашего дома. И я самозабвенно творил там, сидя в стиральной лохани, по пояс в воде. Писал, писал и писал. Как и потом, всю свою жизнь, я работал легко и много. При этом каждому, кто меня в этот момент заставал, виделся раб, прикованный к галерному веслу. На самом же деле я в это время блаженно парил. Как орел в струе воздушного потока. (*Пауза.*)
Кроме живописи у меня была еще одна страсть. Я читал. Запоем. Причем, все подряд. Однако наилюбимейшим моим чтением был Кант. Как и все присутствующие, я прочел

его от корки до корки. В отличие от вас, правда, я не понял практически ничего. Но уже одно то, что я читаю Канта, наполняло меня счастливой гордостью. Мне казалось, что такой человек должен быть, по крайней мере, ангелом. Автор столь великих и совершенно бесполезных книг. Что же касается обычной школы, то вышло так, что я учился с детьми из самых бедных семей. И это только способствовало росту уже тогда присущей мне мании величия. Сверстники бегали вокруг меня, играли, что-то мастерили. Я же смотрел на них как истукан на совершающих ритуальный танец дикарей. И предавался воспоминаниям. Разумеется, о том, чего не было. Так, в числе прочего, я вспоминал о событиях, произошедших в России. Тех самых, перевернувших всё однажды с головы на ноги в этой далекой непостижимой стране. Откуда брались эти мысли? Почему? Ведь я никогда не бывал там. Ни до, ни после. Вспоминал я и об одной русской девочке. С неясными чертами. И гипнотическим взглядом. Все время манившей меня к себе из сказочного снежного тумана. В отличие от страны, встречи с девочкой избежать не удалось. И я это предчувствовал. И готовился к ней. Часами я, бывало, тренировался у зеркала, оттачивая ту гримасу с ухмылкой, которой потом суждено было стать знаменитой. И которой я в первый же миг наповал сразил ту, что была завещана мне судьбой. Уже тогда я начал понимать, пусть смутно, что играю в гения. Еще не подозревая, что так им можно в конце концов и стать. Да-да. Представьте. Достаточно всего лишь только заиграться. Но с чего начать, за что взяться? Первое, как я понял и усвоил на всю оставшуюся жизнь, – это система. Иезуитски скрупулезный и долгосрочный план. Причем, не только действий. Но и параллельный ему план ощущений. Каковым надлежало возникать вслед за каждым действием. Второе – тотальная инквизиция. Та, единственная, что способна вышколить дух. И придать ему форму. Определив ориентиры, я взялся за дело. И опять пошел наперекор. Мадрид. Школа изящных искусств. Моя вступительная работа никак не соответствовала требуемым стандартам. Но рисунок оказался столь безукоризненным, что комиссия была вынуждена отступить от правил и принять меня. Поступив, я начал учиться с величайшим воодушевлением. Но ... очень скоро разочаровался в своих преподавателях. Я понял, что эти увешанные регалиями старцы ничему дельному меня не научат. И вовсе не из-за своей приверженности академизму. Наоборот. Мне, как вода, как воздух, нужны были выучка, узда, строгие границы. А меня побуждали лениться, вольничать. Писать кое-как. Эти бывшие традиционалисты начали яро поклоняться всякой новизне и на ура встречали каждый очередной вывих. Импрессионизм. Постимпрессионизм. Кубизм. Чему они могли меня научить? Я жадно расспрашивал их о живописных приемах, а эти профессора, одурев от вопросов, томно закатывали глаза и несли всякую околесицу. «Вам, коллега, надо искать свою собственную манеру. В живописи нет правил. Смотрите, думайте и пишите так, как вам видится. Но с душой! Главное – темперамент!» «Да темпераментом я сам могу с вами поделиться. На всех хватит. Объясните мне просто, в какой пропорции лучше смешивать краску с маслом!» «Смелее, смелее, - бубнили преподаватели. - Не цепляйтесь за мелочи, идите вглубь! Проще! Еще проще! Забудьте о правилах! Никаких ограничений! Пусть каждый следует своему темпераменту». Бедные, глупые профессора живописи. Пройдет еще много лет, разыграется не одна война, стряется не одна революция, прежде чем люди поймут одну простую вещь. Иерархию не выстроить без строгой выучки. Без жесткой матрицы не отлить форму. Такова высшая, причем крайне реакционная истина. Все не укорененное в традиции – не более чем жалкий плагиат. Из Школы меня, естественно, вскоре вытурили. А еще через некоторое время, я, также вполне естественно, очутился в Париже. Там я связался с компашкой завязанных бездельников и бездарей, тоже считавших себя гениями. На самом же деле они не оставили после себя ничего. Кроме трескучих и пустых

манифестов, для которых я придумывал всякие бредовые лозунги. Я над ними смеялся, а они все принимали за чистую монету. Звали они себя сюрреалистами. Потом их еще угораздило удариться в политику, и они сдулись окончательно. Тогда я осознал, что мой путь лежит в стороне от всех дорог. Я понял, что мне предстоит выстоять одному. И погибнуть в одиночку. Выполнив перед этим назначенную мне небом миссию. Людям часто кажется, что имена даются случайно. По прихоти родителей. Заблуждение. Они спускаются свыше. Сальвадор – по-испански «спаситель». И в этом сокрыт великий сакральный смысл. В эти жуткие времена, которые нам выпала честь претерпевать. В эпоху безжалостной техники. Которая нас однажды безвозвратно погубит. В эру всеобщего процветания посредственности. Я был призван придти в этот мир. Чтобы спасти умирающее искусство от поглощающей его пустоты. От нравственной лени и хаоса. И указать человечеству новый путь. Не по течению. И не против него. А поперек. Для тех, разумеется, кто хочет достичь берега. Теперь что касается фамилии. Которая, не менее чем имя, отражает нашу сущность. Мой род идет от тех мавров, что когда-то вторглись в Испанию. А по-арабски «дали» означает «желание». Желание чего, спросите вы? Отвечаю. Один жалкий имитатор. И завистник. Забытый ныне всеми, кроме замшелых книжных червей. Сделал как-то из моего имени забавную анаграмму. Переставив буквы, он Сальвадора Дали превратил ... *(показывает сначала на одну, потом на другую табличку)* ... в «Авида Долларс». Что значит «Жажущий долларов». Одним словом, деньголюб. Ну что ж. Он оказался не так уж и далек от истины. Да, я их жажду. И что? Большинство людей работает для того, чтобы иметь деньги. Мне же они нужны для того, чтобы спокойно, ни о чем не думая, работать. Чувствуете разницу? Вообще-то у нас, каталонцев, в крови страсть к деньгам. Это от наших еще более дальних предков, финикийцев. Торгашей и разбойников. И в этом нет ничего предосудительного. Нет, согласитесь, а чего еще желать в этом мире человеку, уже обладающему двумя величайшими сокровищами. Своим гением и Галой. Да, да, той самой русской девочкой. Материализовавшейся однажды из моих окутанных морозом мечтаний. И представшей передо мной, как посланный на землю ангел. *(Показывает на картину «Открытие Америки усилием сна Христофора Колумба»)*. Это не я, Колумб. Она сначала явилась ему, потом мне. И первый поцелуй, когда столкнулись наши зубы и переплелись языки, был лишь началом того голода, который заставил нас кусать и грызть друг друга до самой сути нашего бытия. О Гале вы, я полагаю, тоже слышаны. Не меньше, чем о Дали. Она давно уже, как и я, стала объектом всяких басен. Вообще-то настоящее ее имя – Елена. Но Гала – парадная, ... торжественная, ... праздничная ... – ей подходит просто идеально. Она сама себя так однажды назвала. И все с восторгом стали повторять за ней это имя. Хотя, вру, не все. Было немало людей, которые возненавидели ее. Сразу, бесповоротно и на всю оставшуюся жизнь. Но это не удивительно: она никогда ни под кого не подстраивалась, а такое не прощают. Во главе же этой когорты встали представители рода Дали. У них, правда, была куда более веская причина. Они не могли простить Гале утрату своей монополии на любовь ко мне. Из-за нее я вдрызг разругался с семьей и навсегда ушел из отчего дома. Отец считал, что я свихнулся и кончу жизнь где-нибудь на помойке, или, в лучшем случае, в психушке. Моя любимая сестра навеки отгородилась от нас стеной отчуждения и вражды. И тогда мы тоже. Решили дать достойный ответ. И соорудить для себя нашу собственную башню. Из слоновой кости. Вокруг нас всю кипела жизнь. Точнее, имитация жизни. И в искусстве, и в политике. Возникали десятки направлений. Сотни партий. Правые, левые. Параллельные, перпендикулярные. Причем каждая партия провозглашала свою исключительную привилегию на истину. И боролась за всеобщее универсальное счастье. Не понимая, что на самом деле сама же, своими собственными

руками, потихоньку сооружает себе эшафот. Тут же, естественно, алкоголь. Кокаин. Шлюхи всех мастей. Стаи педерастов, куда ж без них. Жила вся эта братия, дыша друг другу в затылок и норовя рвануть кусок из соседских зубов. И уж если кто зашатается – то-то радости! – как тут не пхнуть по-приятельски в спину: «Подыхай, братец!» Тем и были сильны мы с Галой, что жили вне всей этой грязи. Не зная ни наркотиков, ни курева, ни блуда. Мы ведь, в отличие от многих, прекрасно знали, что счастье или несчастье – это сугубо личная проблема. Она никак не зависит от общественного устройства и политических систем. И не связана ни с уровнем жизни, ни, тем более, с какими-то там правами человека. Права человека! Смешно. У человека есть лишь одно истинное право. Следовать своему предназначению. И точка. Великой судьбой правят неумолимые законы. У нас в этом тоже не было никаких сомнений. И потому мы решительно свернули в сторону. От генеральной линии. Отдалились ото всех. От богемы и от общества. От сюрреалистов, коммунистов, монархистов. От летунов, обывателей и психопатов. Нам нужна была полоса отчуждения. Защитное пространство. Наше убежище. Им стал Кадакес, городок моего детства. Прилепившийся к самому уютному клочку самого красивого в мире побережья. Откуда мы, как алжирские пираты, стали делать планомерные опустошительные набеги. В Европу и Америку. Для чего, спросите вы? Ну как, для чего. Для сбора полагающейся нам дани. За что? Еще более глупый вопрос. За нашу исключительность. Правда, чем дольше длилась отлучка, тем сильнее нас тянуло назад. В ту маленькую рыбацкую хижину, которую мы когда-то купили на последние гроши. И из которой затем, путем долгих поступательных превращений и приращений, сделали жилище, вполне достойное гения и его музы. Но ... однажды музе там стало тесно. Рядом со своим гением. Почему? Да потому, что она всю жизнь мечтала иметь свой собственный домик. Свою персональную вотчину. Отчего так? – снова спросите вы. Очень просто. Дело в том, что Галя, по своей натуре, как она сама себя всегда называла, обычная русская крестьянка. Несмотря на то, что родилась и всегда жила в городе. Ее стихия не море, а поле. И сад. В глухом деревенском краю. К тому же ... она женщина молодая. Горячая. Всего на каких-то десять лет старше меня. Ей нужно иногда развлечений. Ничего не поделаешь, плоть требует. Короче, вы понимаете. Дали пришлось заняться поисками. И он нашел. В одной старой деревушке. С поэтичным названием Пуболь. Огромный полуразвалившийся дом. С дырявой крышей. Проломленными стенами. И великолепным римским фронтоном. Жители этой деревни выращивают виноград и свиней. Делают козий сыр и маленьких чумазных ребятишек. Там пахнет сельской благодатью и навозом. Это место так же далеко от моря, как близок к нему наш общий дом. Здесь обитают только крестьяне и никаких рыбаков. И вот. Несколько небрежных взмахов кисти гения. И громоздкая развалюха превратилась в настоящий замок. Обитель фантазий и грез. Где уже единолично царствует его владелица, моя королева. В окружении своих периодически меняющихся молодых пажей. Поэтому ваш покорный слуга может появиться в нем не иначе, как по личному приглашению ее величества. Сегодня утром я получил очередное приглашение, и вот я здесь. В предвкушении новой встречи. Которые теперь стали еще желанней и сладостней, чем раньше. Но ... я заговорился. Терпеть не могу длинных книг, длинных речей. Мысль должна быть сгущенной до предела и разить наповал. Я и так вам тут наплел более чем достаточно. Остальное прочтете в моих мемуарах. Если будет желание. Мне пришло в голову написать их заранее. А потом прожить. Все не как у людей. К тому же театр – это не проповедь и не лекция. Это подглядывание в большую замочную скважину за чужой личной жизнью. Чем вы, через несколько трепетных мгновений, собственно, и займетесь. Соприкоснетесь с таким удивительным уникальным явлением. Редчайшим, ни на кого не похожим, единым двуполым существом. По имени ДАЛИГАЛА.

Говорят, к идолам нельзя прикасаться – позолота может пристать к пальцам. Мы этого не боимся. Потому что сделаны из натурального золота, а не покрыты, как многие другие, бутафорской фольгой. Если увиденного вам покажется мало, не обессудьте. Как бы кому ни хотелось, ДАЛИГАЛА – это уже миф. Легенда. И у нас нет ни малейшего желания рушить ее излишними подробностями. Совсем наоборот. Поэтому не будем терять драгоценное время. Сейчас я пристрою ... временно ... реквизит. *(Подходит к подставке и опускает в нее трость.)* Ружье, которое, как вы все знаете, в театре всегда должно ... что? Правильно. Теперь займу свое законное место. *(Подходит к креслу на постаменте.)* Трон маркиза де Пуболь. *(Садится на трон.)* Грешен, я человек тщеславный. И всю жизнь мечтал о каком-нибудь дворянском титуле. Мечта сбылась, я получил его. Нет, а что здесь такого? Неужели кто-нибудь из присутствующих отказался бы от титула маркиза, если бы его даровал король Испании. Конечно, можно сказать, что я предатель. Будучи сыном буржуа, я выбился в аристократы. Впрочем, в душе я им был всегда. Мне омерзительно общество потребления. Именно поэтому я никогда не мечтал об автомобиле. Предпочитаю триумфальную колесницу. *(Замирает в величественной позе, но, внезапно встrepенувшись, смотрит на дверь в центре сцены и понижает голос.)* Тс-с! Королевская опочивальня. Похоже, там началось какое-то движение.

Двери медленно приоткрываются, и из них аккуратно выскальзывает молодой человек. Он заметно напряжен и осторожен в движениях. Несколько мгновений он внимательно оглядывает сцену. Заметив Дали, застывшего в отстраненной позе, лицом к зрительному залу, молодой человек нервно переминается, ища, как можно понять, выход из не совсем устраивающей его ситуации, когда на него не обращают внимания. Найдя решение, он опрокидывает подставку для тростей и тут же бросается ее поднимать.

Д а л и *(в зал, негромко)*. А вот и положенный выстрел. Не рановато ли? *(Медленно поворачивает голову в сторону молодого человека)*.

М о л о д о й ч е л о в е к *(поймав взгляд Дали, с удивлением, претендующим на непосредственность)*. Мэтр, ... вы?!

Д а л и. Представляете.

М о л о д о й ч е л о в е к. Мое почтение.

Д а л и. И вам нижайший, прекрасный юноша. *(Замечает на лице собеседника легкую гримасу.)* Что такое?

М о л о д о й ч е л о в е к. Да, по правде сказать, не такой уж я и ...

Д а л и. Прекрасный?

М о л о д о й ч е л о в е к. Юноша.

Д а л и. Серьезно?

М о л о д о й ч е л о в е к. Увы. Уже вышел. Из этого нежного возраста.

Д а л и. А в какой вошли?

М о л о д о й ч е л о в е к. Ну ... как-никак, третий десяток доживаю.

Д а л и. Уже? Надо же. А вот я всего лишь только восьмой. Но до нежного возраста так еще и не добрался.

М о л о д о й ч е л о в е к. М-м.

Д а л и. Вы, я вижу, чем-то смущены. Или даже расстроены.

М о л о д о й ч е л о в е к. Да, честно признаться, мне как-то не очень ловко.

Д а л и. Отчего же?

М о л о д о й ч е л о в е к. Я не уверен, мэтр, что мое присутствие здесь, в данных обстоятельствах, может доставить вам удовольствие.

Д а л и. В данных, это каких?

М о л о д о й ч е л о в е к. Ну ...

Д а л и. Ах да. Сразу не сообразил. А в других? Обстоятельствах. Всё обстояло бы иначе?

М о л о д о й ч е л о в е к. Э-э ...

Д а л и. Впрочем, это не важно. Скажите лучше, как моя жена? Ей ваше присутствие доставило удовольствие? Ну что же вы зарделись как прованская роза. Мужчине, доживающему третий десяток, это не к лицу.

М о л о д о й ч е л о в е к. Я надеюсь.

Д а л и. И это главное. Вы же у нее в гостях, не у меня. Значит, вы ее не разочаровали.

М о л о д о й ч е л о в е к. Я старался.

Д а л и. Старание не всегда приводит к результату. Нужно еще умение. В швейном деле.

М о л о д о й ч е л о в е к. В швейном?

Д а л и. А вы не в курсе? У нас с Галюшкой сам процесс, ради которого вы были сюда приглашены, ассоциируется со швейной машинкой. Точнее, с ее работой. Целеустремленно. Настойчиво. Ритмично. Сверху вниз, снизу вверх.

М о л о д о й ч е л о в е к. Хм, забавно.

Д а л и. Не то слово. *(Пауза.)* Да вы не робейте. Всем известно, что Гала любит компании молодых людей. В этом нет ничего зазорного. Увядание – не слишком приятное состояние. Но ... *(критически рассматривая себя в зеркало, к которому он в ходе диалога подошел)* ... еще куда менее привлекательное зрелище.

М о л о д о й ч е л о в е к. А ... вас это не коробит?

Д а л и. Что поделаешь, у меня нет рецепта вечной молодости. К счастью.

М о л о д о й ч е л о в е к. Я имею в виду саму ситуацию.

Д а л и. Ну, я же не эгоист. В конце концов, моя жена имеет столько любовников, сколько ей хочется. Ни больше и ни меньше. Более того. Я ее даже в какой-то степени поощряю. Меня это возбуждает. *(Пауза.)* Вас, наверно, шокируют мои слова.

М о л о д о й ч е л о в е к. Да нет. Отчего. Сейчас это, в принципе, обычное дело. Даже как бы модно. Я знаю, многие при этом любят еще и ...

Д а л и. Что любят?

М о л о д о й ч е л о в е к. Присутствовать. Наблюдать. Со стороны.

Д а л и. Со стороны чего?

М о л о д о й ч е л о в е к. Простите, мэтр, я, по-видимому, ляпнул что-то ...

Д а л и. Ни боже мой. Вы просто исходите из ложной посылки. Дело в том, что мы с Галой – единое целое. Как дитя Гермеса и Афродиты. А в данном случае такой оборот, как «наблюдать со стороны» звучит немного двусмысленно. Попахивает шизофренией. Вы не находите?

М о л о д о й ч е л о в е к. Ну, в общем, ...

Д а л и. К тому же, возбуждает всё это меня не совсем, скажем так, традиционным образом. Ведь я импотент. И уже со стажем.

М о л о д о й ч е л о в е к. М-м.

Д а л и. Ловлю в вашем взоре сочувствие. Напрасно. Секс, мой друг, – это крест, и нам просто безумно повезло, что прибиты мы к нему не на всю жизнь. Не согласны?

М о л о д о й ч е л о в е к. Возможно. Значит, тогда ...

Д а л и. Что?

М о л о д о й ч е л о в е к. Вы не ревнуете?

Д а л и. Кого к кому?

М о л о д о й ч е л о в е к. Меня к вашей жене.

Д а л и. Вот еще. Конечно, ревную. Еще как. Отелло по сравнению со мной суший агнец. *(Пауза.)* Не верите?

М о л о д о й ч е л о в е к. Как-то не очень бросается в глаза.

Д а л и. Это потому что они не туда смотрят.

М о л о д о й ч е л о в е к. А куда надо?

Д а л и. Ну вы ловкач. Хотите, чтобы вам всё разжевали и в рот положили.

Подумайте. Проявите смекалку.

М о л о д о й ч е л о в е к. Но, по крайней мере, вы не держите на меня зла?

Д а л и. Помилуйте. Напротив, я вам так признателен.

М о л о д о й ч е л о в е к. Это ... за что?

Д а л и. За ревность. Благодаря ей, я нахожусь в состоянии постоянной эрекции.

Интеллектуальной, разумеется. Да, я импотент. Тела. Но гений духа. Почти как ...

(смотрит на картину «Христос Святого Иоанна Креста»). Только почти. В итоге, мой эротизм, просачиваясь в сознание, истекает обратно ... откуда? ... правильно, с кончика самой заурядной куньей кисточки.

М о л о д о й ч е л о в е к. А-а, теперь я понял. *(Демонстративно обводит взглядом картины)*. Куда надо смотреть.

Д а л и. Иной раз просто диву даешься. До чего же сообразительна современная молодежь.

М о л о д о й ч е л о в е к. Вы надо мной издеваетесь?

Д а л и. Конечно. А вы надо мной разве нет?

М о л о д о й ч е л о в е к. И в мыслях даже не было.

Д а л и. А что было?

М о л о д о й ч е л о в е к. Ну ... ничего. Какие тут вообще могут быть мысли, когда перед тобой такие шедевры. Вживую, не на картинках.

Д а л и. Вам нравится?

М о л о д о й ч е л о в е к. Нравится – слишком мягко сказано. То есть, слабо.

Д а л и. Скажите крепче.

М о л о д о й ч е л о в е к. Вы не поверите, мэтр, но ...

Д а л и. Ну вот еще, чего ж не поверю. Вы просто не представляете, какой я доверчивый. Ну давайте, давайте. Лейте. Ваш бальзам.

М о л о д о й ч е л о в е к. Ваши работы производят на меня ... просто фантастическое воздействие.

Д а л и. Может быть, фантазмагорическое?

М о л о д о й ч е л о в е к. Можно сказать и так.

Д а л и *(удовлетворенно)*. Та-ак.

М о л о д о й ч е л о в е к. Хотя и, должен заметить, ...

Д а л и *(слегка настороженно)*. Та-ак?

М о л о д о й ч е л о в е к. Если уж быть до конца откровенным, ...

Д а л и *(встревожено)*. Так-так?

М о л о д о й ч е л о в е к. Я не всегда могу уловить идею, так сказать. Смысл.

Д а л и. И всего-то? Вы думаете, я это могу? Да я, может, оттого и пишу картины. Что не понимаю. Того, что пишу. Да и, собственно, зачем этим вообще заниматься. Если смысл известен заранее. Что, вместе с тем, не означает, что его здесь *(показывает на картины)* вовсе нет.

М о л о д о й ч е л о в е к. Но тогда, согласитесь, в итоге получается немного странно. Никто не в состоянии этот смысл объяснить. Даже сам автор.

Д а л и. А как же Природа-матушка?

Молодой человек (*остановившись возле портрета Пикассо, начинает его внимательно рассматривать.*) Что ... природа?

Да ли (*выразительно глядя на своего собеседника.*) Уж какие она иной раз странности создает. Хоть стой, хоть падай. И ничего не объясняет. (*Поймав переведенный на него взор, кивает на картину.*) Ну так и что, к примеру, вы тут не улавливаете? Портрет Пикассо. Не похож?

Молодой человек. Ну, если бы вы мне этого не сказали, я бы ни за что ...

Да ли. А вам вообще случалось видеть? Прототип.

Молодой человек. Много раз. На фотографиях.

Да ли. А в жизни?

Молодой человек. К сожалению, ...

Да ли. Вылитый. Один в один.

Молодой человек. Ну хорошо, а вот. (*Показывает на картину «Постоянство памяти».*) Картина восхитительная, слов нет. Композиция, колорит. Я помню, в детстве еще. Первый раз ее увидел. В журнале каком-то. Так с тех пор никак не могу отделаться. От вопроса. Прямо как заноза.

Да ли. Да-да?

Молодой человек. Часы. Почему они ... такие?

Да ли. Какие, такие?

Молодой человек. Мягкие. В чем тут смысл?

Да ли. Любопытно.

Молодой человек. Что?

Да ли. Вы не спрашиваете: «Почему часы?»

Молодой человек. Э-э ...

Да ли. Да какая разница, мягкие, твердые. Разве это главное?

Молодой человек. А что?

Да ли. То, что они показывают точное время. (*Опережает попытку собеседника взглянуть на свои ручные часы.*) Можете не проверять. Точнее не бывает. Между прочим, Гала сразу предсказала. Каждый, кто увидит эту картину, у того она уже как заноза. Словно в воду глядела.

Молодой человек. Гала еще и предсказательница?

Да ли. Вот именно. Еще и. Как всякая великая женщина. В чем вы, может быть, сомневаетесь?

Молодой человек. Ну что вы!

Да ли. Правильно. За каждым великим мужчиной стоит великая женщина. Ну или почти за каждым. А в наше время чуть ли не половина из них, вдобавок ко всему, еще и русские.

Молодой человек. Да, я слышал. У Пикассо ведь, вроде бы, тоже ...

Да ли. И у Арагона. И у Леже. И у Матисса.

Молодой человек. Целая мафия.

Да ли. Не то слово. А почему? Потому что только русские женщины умеют идти до конца. Надеюсь, вы не будете меня спрашивать, до какого.

Молодой человек. Да нет. А, интересно, на каком языке вы общаетесь со своей женой?

Да ли. Нам для этого нужен язык?

Молодой человек. Ну ...

Да ли. Да на том, какой первым подвернется.

Молодой человек. И на русском?

Д а л и. На русском только ругаемся. После чего она долго и нудно строчит что-то в своем дневнике. Дорого бы я дал за то, чтобы узнать, что там понаписано. Но ... не судьба.

М о л о д о й ч е л о в е к. Она его прячет?

Д а л и. Да нет, валяется на прикроватной тумбочке. Я, друг мой, мистик. И не прикасаюсь к чужим тайнам. Верю в воздаяние. *(Пауза.)* О чем вы задумались?

М о л о д о й ч е л о в е к. О том, какие необычные у вас отношения.

Д а л и. С кем, с вами?

М о л о д о й ч е л о в е к. Да нет, с Галой.

Д а л и. Не просто необычные. Исключительные. Я бы даже сказал неземные. В них нет ничего банального. А почему?

М о л о д о й ч е л о в е к. Потому что ... вы выше этого?

Д а л и. Потому что все банальное в нашей жизни Гала берет на себя. Она ведь у меня и импресарио, и бухгалтер. И привратник, и парикмахер. Машину водит. Читит, лазает в мотор. Один раз, как сейчас помню, только отъехали от французской границы, и на тебе - прокол. А вокруг глухомань. Дождь, как из ведра. Так она вылезла, взяла этот, как его ...

М о л о д о й ч е л о в е к. Домкрат?

Д а л и. Наверно, никак могу запомнить это дурацкое слово. Еще какую-то железяку. Заменяла колесо, и через полчаса мы уже мчались дальше.

М о л о д о й ч е л о в е к. А вы где были все это время?

Д а л и. Как где. Где и положено. Сидел в машине. Видите ли, я человек абсолютно неприспособленный к жизни в быту. И Гала этим пользуется.

М о л о д о й ч е л о в е к. Ну ...

Д а л и. Что?

М о л о д о й ч е л о в е к. Судя по вашему рассказу, мэтр, вы этим пользуетесь не меньше.

Д а л и. Вы находите? А как здесь определить? Больше, меньше. Есть критерий?

М о л о д о й ч е л о в е к. Критерий? Ну ... наверно есть. Я так думаю, кто больше любит ...

Д а л и. Вот! Ключевое слово. Вы обратили внимание: у Галы, на левом ухе, на самой мочке, есть родинка.

М о л о д о й ч е л о в е к. Родинка?

Д а л и. Ну да. Малюсенькая такая.

М о л о д о й ч е л о в е к. Да, по правде сказать, как-то ...

Д а л и. Не заметили? Ах ну да, когда.

М о л о д о й ч е л о в е к. Простите, я не совсем понимаю.

Д а л и. Объясняю. Одну только эту родинку я люблю больше матери. Больше отца. Да что там. Больше Пикассо! И даже, вдумайтесь, больше денег! Не верите?

М о л о д о й ч е л о в е к. Почему, верю. Я, в принципе, слышал уже. И тоже читал.

Д а л и. Что вы читали?

М о л о д о й ч е л о в е к. Вы говорили. В интервью каких-то, или где. Что для вас самое главное на свете – это Гала.

Д а л и. Когда это я такое мог сказать? Чушь какая. Самое главное на свете – это Гала и Дали. В переводе с русского на каталонский – Далигала. Затем идет просто Дали.

М о л о д о й ч е л о в е к. А потом?

Д а л и. Все остальные. Снова, разумеется, включая и нас двоих. Но уже поодиночке.

Молодой человек. Я что-то запутался. Так кто все-таки главнее? Гала или Дали?

Дали. Да это не имеет значения, юноша. Главное, что вдвоем мы больше, чем всё остальное.

Молодой человек. М-м. А вот такой вопрос. Можно?

Дали. Чувствую, он с подковыркой. Ну да что уж с вами делать, дерзайте.

Молодой человек. Не будь Галы, Дали стал бы тем, кто он есть?

Дали. А кто он есть?

Молодой человек. Великий ... величайший художник. Своего времени.

Дали. И всего-то? Высокого же вы обо мне мнения. Ладно, оставляю на вашей совести. Отвечаю на вопрос. Художником стал бы несомненно. Великим, пожалуй. Но только не Дали.

Молодой человек. А кем?

Дали. Ну не знаю. Каким-нибудь Шагалом. Или тем же Матиссом. Или тем же Пикассо. Хотя, что это я. Шагал примитивен. Как уличный старьевщик. Матисс буржуазен. Пикассо слишком плодовит. И еще более человечен.

Молодой человек. Это плохо?

Дали. Ужасно.

Молодой человек. Вы тоже не очень-то высокого о них мнения.

Дали. Хочу вас утешить. Не только о них. Да, каюсь. Еще в детстве я обнаружил порочную склонность считать себя лучше всех остальных. Но у меня есть оправдание.

Молодой человек. Какое?

Дали. Мне это блестяще удается. И всё это ...

Молодой человек. Благодаря Гале?

Дали. Ну а кому. Пигмалион в юбке. Ее первый муж ... *(подходит к портрету Элюара)*.

Молодой человек. Поль Элюар?

Дали. Узнали? На этот раз.

Молодой человек. Да нет. Просто слышал.

Дали. А-а. Так вот. Он стал поэтом и достиг известности, в общем-то, без ее особого участия. Поэтому ей была нужна другая глина. Более качественная. И, самое главное, девственная. Я не знаю, вы в курсе или нет, Гала ведь стала моей первой женщиной. И последней. Она, кстати, тоже. Хранила невинность до своего первого брака.

Молодой человек *(вполголоса, в сторону)*. Зато теперь отыгрывается сполна.

Дали. Что, простите?

Молодой человек. Я говорю, вы так откровенны со мной, мэтр. Совершенно чужим вам человеком.

Дали. Ну правильно. Только таким людям и можно рассказывать о самом сокровенном. А чего вы, собственно, от меня ожидали?

Молодой человек. Я? Да ... как бы, собственно ...

Дали. Понятно. Тогда встречный вопрос. А вот вы?

Молодой человек. Что я?

Дали. Вы не ревнуете?

Молодой человек. Кого?

Дали. Мою жену.

Молодой человек. К кому?

Дали. Ну как к кому. Ко мне, разумеется.

Молодой человек. Мэтр, разве я имею на это право?
Дали. Забавно.
Молодой человек. Что именно?
Дали. Испытывая жажду или противоположную нужду, вы тоже вспоминаете о правах?
Молодой человек. Честно признаться, ...
Дали (*морщится*). Опять!
Молодой человек. Что, опять?
Дали. Да обороты все эти, ваши. Честно признаться. По правде сказать. Ей-богу, далась вам эта честность.
Молодой человек. А как надо?
Дали. Господи. Да врите напропалую. Как я. Чем бредовее и беспардонней, тем лучше. Больше будут верить.
Молодой человек. Простите, но ... я так не привык.
Дали. Правда? Ну что ж. Коли так, тогда валяйте. Честно и откровенно. Выкладывайте.
Молодой человек. Что ... выкладывать?
Дали. Почему вы здесь? Зачем? С какой целью?
Молодой человек. Хм. Прямо как на допросе.
Дали. Я не виноват. По-другому вы же не привыкли. Ну, я весь внимание.
Молодой человек (*нарочито помявшись*). Да, действительно, не буду врать, у меня была цель.
Дали. Так-так?
Молодой человек. Я уже давно ... очень давно мечтал встретиться с Сальвадором Дали.
Дали. Многие об этом мечтали. У кого-то мечты сбылись. Я не уверен, правда, что они стали от этого более счастливы.
Молодой человек. Да я уж слышан.
Дали. О чем?
Молодой человек. О том, как проходят. Некоторые ваши аудиенции.
Дали. И как же они проходят?
Молодой человек. С огоньком. Судя по тому, что я читал.
Дали. Например?
Молодой человек. Ну вот хотя бы история. Про вашу встречу с одним композитором. Тоже русским, по-моему.
Дали. Может быть, армянином?
Молодой человек. Может быть. А есть разница?
Дали. Незначительная. Ну так и что же композитор?
Молодой человек. Ну, он как бы приехал к вам в замок в назначенное время. Его завели в гостиную. Заперли там. И промурыжили. Часа два или три. Пока он чуть до белого каления не дошел. Потом в какой-то момент внезапно грянула музыка. Двери открылись. И тут вы. Голый, верхом на швабре, с саблей в руке. Проскакали вокруг гостя, по кругу, и снова в дверь. После чего заходит ваш слуга или кто там, мажордом, и говорит: «Все, мол, сеньор, прием закончен, благодарим за внимание». И композитора увезли восвояси.
Дали. И всё? Какая, однако, бедная у вас палитра. Вот так ославят человека.
Молодой человек. Кого? Композитора?

Д а л и. Да какого композитора. Никто его, во-первых, не мурыжил. Ему накрыли шикарный стол. С фруктами. С такими винами и коньяками, которых он никогда в жизни нигде бы больше не отведал. В благодарность за что он заполнил мне дорогушую старинную вазу отработкой виноматериалов. Туалета в зале не было. Во-вторых, я не просто проскакал вокруг него, а исполнил «Танец с саблями». Его самое замечательное произведение, между прочим. И в третьих, он уехал восвояси не с пустыми руками. А с роскошным альбомом. Лично подписанным мной на память. В Испанию, правда, потом, как говорят, он больше уже не приезжал. Зато какое воспоминание. На всю оставшуюся жизнь. Вы тоже рассчитывали на нечто подобное?

М о л о д о й ч е л о в е к. Я?

Д а л и. Вы, вы.

М о л о д о й ч е л о в е к. Да нет.

Д а л и. А зачем же тогда вы хотели встретиться с Сальвадором Дали? Пробрались сюда, используя слабости моей маленькой Галюшки.

М о л о д о й ч е л о в е к. Ну ...

Д а л и. Смелее, смелее. Труден только первый шаг.

М о л о д о й ч е л о в е к. Дело в том, что ... я тоже, в некотором роде, ...

Д а л и. Композитор?

М о л о д о й ч е л о в е к. Художник.

Д а л и. Да вы что. А в некотором, это в каком?

М о л о д о й ч е л о в е к. В смысле, начинающий.

Д а л и. Вам уже под тридцать, а вы только начинаете?

М о л о д о й ч е л о в е к. Дело в том, что ... как бы это сказать ... Одним словом, мэтр, я долго искал себя.

Д а л и. Где?

М о л о д о й ч е л о в е к. В фигуральном смысле.

Д а л и. А-а. Но хоть нашли?

М о л о д о й ч е л о в е к. Мне кажется, да.

Д а л и. Ну слава Богу. И кому же, в таком случае, вы подражаете?

М о л о д о й ч е л о в е к. Подражаю? Хм.

Д а л и. Что такое?

М о л о д о й ч е л о в е к. Подражание – удел посредственностей.

Д а л и. Bravo! Блестяще сказано. Прямо Сервантес. Бальтасар Грасиан.

М о л о д о й ч е л о в е к. Это истина. Недаром говорится. Не сотвори себе кумира.

Д а л и. Серьезно? Что ж вы мне об этом раньше-то ...

М о л о д о й ч е л о в е к. Что, раньше?

Д а л и. Ничего не сказали.

М о л о д о й ч е л о в е к. Когда, раньше?

Д а л и. Когда-нибудь. Я-то, дурак, представьте, всю свою жизнь кому-то подражал. То, понимаешь, Веласкесу. То Вермееру. То Рафаэлю.

М о л о д о й ч е л о в е к. Нет, конечно, если с этой точки зрения, то я, в общем-то, тоже ...

Д а л и. Что?

М о л о д о й ч е л о в е к. Стараюсь взять самое лучшее. У великих.

Д а л и. А худшее? Оставляете владельцам? Молодец.

М о л о д о й ч е л о в е к. Нет, я в том смысле, что для меня тоже существуют ...

Д а л и. Кумиры?

М о л о д о й ч е л о в е к. Скажем так, образцы. Эталоны.

Д а л и. Вот как? И кто же они? Если не секрет.
М о л о д о й ч е л о в е к. Ну, не сочтите за дешевую лесть, мэтр, ...
Д а л и. А за какую? Счесть. За дорогую?
М о л о д о й ч е л о в е к. За правду. За истинную правду.
Д а л и (*морщится*). Опять вы со своей ... Ну ладно, уговорили. И так?
М о л о д о й ч е л о в е к. Самое большое влияние на меня оказали именно вы, мэтр.
Д а л и. Да вы что? Как это меня угораздило. Со всеми этими выкрутасами. Танцами с саблей. И прочее.
М о л о д о й ч е л о в е к. В плане творчества, я имею в виду.
Д а л и. Ах творчества.
М о л о д о й ч е л о в е к. Правда, я пишу в несколько иной манере. Своей, так сказать.
Д а л и. Своя манера - первый признак гения.
М о л о д о й ч е л о в е к. Ну, это, наверно, слишком сильно сказано.
Д а л и. Сильно сказано – крепче помнится.
М о л о д о й ч е л о в е к. Все равно. Талант там, еще как бы ладно, может быть. Но гений ...
Д а л и. А талант ... как бы есть?
М о л о д о й ч е л о в е к. Мне самому трудно судить. Говорят, есть. Только что от него толку. Когда нет связей.
Д а л и (*вздыхает*). Да, связи это, конечно, ...
М о л о д о й ч е л о в е к. Естественно. Решают всё. И везде.
Д а л и. Кроме искусства.
М о л о д о й ч е л о в е к. Ну ...
Д а л и. Нет, разумеется, всё зависит от цели. Для чего вы творите. Вернее, для кого.
М о л о д о й ч е л о в е к. То есть?
Д а л и. Для людей. Для себя. Любимого. Или же для ... (*устремляет глаза вверх*).
М о л о д о й ч е л о в е к. А что ... здесь так прямо обязательно разделять?
Д а л и. А как же. Это публика разная. Всем сразу не угодишь. Даже мне это не под силу. Так в какой же такой *иной* манере вы пишете?
М о л о д о й ч е л о в е к. Ну, это, в общем, не совсем сюрреализм. Точнее даже, совсем не сюрреализм. Как у вас.
Д а л и. У меня?
М о л о д о й ч е л о в е к. Ну да.
Д а л и. А где вы увидели у меня сюрреализм?
М о л о д о й ч е л о в е к. Ну как. (*Показывает на картины.*) Вот. ... Вот. ... Разве нет? Это не сюрреализм? Как это принято называть. Нет?
Д а л и. Увы.
М о л о д о й ч е л о в е к. Значит, все эти ... критики, искусствоведы, все врут?
Д а л и. Понятия не имею. Я как-то не очень прислушиваюсь к тому, что они болтают. Я знаю, в глубине души они меня любят, просто боятся в этом признаться. Оттого и вынуждены молоть всякий вздор.
М о л о д о й ч е л о в е к. И газет вы не читаете.
Д а л и. Газет? Я знаю, есть люди, которые всерьез полагают, будто в детстве я болел менингитом. Но не до такой же степени. Из всего того, что пишут обо мне, меня интересует только одно.
М о л о д о й ч е л о в е к. Компетентное мнение?

Д а л и. Объем. Чем больше, тем лучше. Все остальное не имеет ровно никакого значения. Мой девиз: главное – пусть о Дали говорят. На худой конец, пусть говорят хорошо. Как бы то ни было, окончательные приговоры по делу искусства выносятся ведь в несколько иных инстанциях. Не правда ли?

М о л о д о й ч е л о в е к. Наверно. Ну хорошо. *(Снова показывает на картины.)*
Так как же тогда всё это называется?

Д а л и. Это называется живопись.

М о л о д о й ч е л о в е к. А-а.

Д а л и. Сюрреализм не она, сюрреализм – это я. Чувствуете разницу?

М о л о д о й ч е л о в е к. Ну ... да. То есть, не совсем.

Д а л и. Это серьезный дефект. Требуется вмешательства. Ну что это мы все обо мне, да обо мне. Так всё же. Как называется *ваша* манера письма?

М о л о д о й ч е л о в е к. Моя манера ... Ну ... это нечто особенное. Я еще не дал ей названия.

Д а л и. Вторая ошибка. Именно с этого надо всегда начинать. Если вы хотите преуспеть в своем деле. Впрочем, если успех не важен, можно оставить это неблагодарным потомкам. Так как?

М о л о д о й ч е л о в е к. Что?

Д а л и. Важен? Успех. Или ...?

М о л о д о й ч е л о в е к *(немного помявшись)*. Важен.

Д а л и. Значит, вы стремитесь стать не просто художником, а художником, как бы это выразиться, процветающим. Благополучным. Я правильно понял?

М о л о д о й ч е л о в е к. Это уж как получится. Во всяком случае, одно другому не помеха. Насколько я могу судить.

Д а л и. Как сказать. Учтите, кто обладает, тот и обладаем.

М о л о д о й ч е л о в е к. Кем? Обладаем. Или чем.

Д а л и. Да всем. И всеми. Кому не лень.

М о л о д о й ч е л о в е к. К Сальвадору Дали это правило тоже применимо?

Д а л и. А что ж он, рыжий, что ли.

М о л о д о й ч е л о в е к. Ну, ... я не думаю, что для вас это самая большая проблема.

Д а л и. Почему?

М о л о д о й ч е л о в е к. С вашим состоянием ...

Д а л и. А какое у меня состояние?

М о л о д о й ч е л о в е к. А вы не в курсе?

Д а л и. Понятия не имею.

М о л о д о й ч е л о в е к. Да вы что.

Д а л и. Представьте. Всеми счетами и кассой распоряжается Гала. Для меня деньги – это нечто мистическое. Ирреальное.

М о л о д о й ч е л о в е к. И вы их презираете.

Д а л и. Вот еще. Много чести. Каким-то бумажкам. Презрения достойны не они. А те, кто ради них готов на любое унижение. Лезть в постель к богатенькой старухе-нимфоманке. Втираться в доверие к ее простодушному рогоносцу-муженьку.

М о л о д о й ч е л о в е к. Это ... намек?

Д а л и. На кого?

М о л о д о й ч е л о в е к. В данном случае на меня.

Д а л и. А вас зацепило? Значит, в точку. Нет, а что вы обижаетесь? Могли бы, как это говорится, и проглотить. Разве Гала вас не одарила? С присущим ей размахом.

М о л о д о й ч е л о в е к. С размахом?

Д а л и. А как же. Насколько я в курсе, щедрость ее не знает границ. Когда речь идет о любовниках.

М о л о д о й ч е л о в е к. А когда речь идет о Дали?

Д а л и. Когда речь идет о Дали, она прежде всего заботливая. И бескорыстная. Как Святая Тереза Авильская. Не верите? Слушайте. Один только пример. Не так давно, в Нью-Йорке, я удачно пристроил одну картинку. И на вырученный куш, пока он еще был у меня в руках, решил купить Гале бриллиант. Я его заметил в одной лавчонке на Пятой авеню. Здоровенный такой. Желтого цвета. Он стоил целое состояние. Так вы знаете, что она мне на это ответила? (*С пародийной интонацией.*) Если ты и вправду хочешь доставить мне удовольствие, подари лучше «Корзинку с хлебом». Представляете?

М о л о д о й ч е л о в е к. Какую корзинку?

Д а л и (*показывает на картину*). А вот. Ну, что скажете? От простой смертной вы такое бы услышали?

М о л о д о й ч е л о в е к. Не знаю.

Д а л и. Вот именно. А как скромно она одевается. Правда, все ее наряды от подружки Шанель. Но очень сдержаны. Я бы даже сказал, монашески строги. А я то, я то. Люблю, когда она расфуфырена, как маленькая принцесса с картины Веласкеса. И иногда, тайком, покупаю ей что-нибудь этакое. Самых немислимых расцветок. Всё в блесках, в золоте, в жемчугах. Видели бы вы, как она бесится. При виде подобной мишуры. И тут же всё, не моргнув глазом, ...

М о л о д о й ч е л о в е к. На помойку?

Д а л и. Зачем? Чтобы меня расстроить? Одевает. Куда деваться. Ну так признайтесь. Как вы это любите. Честно.

М о л о д о й ч е л о в е к. В чем?

Д а л и. Чем она вас одарила? За ваши швейные таланты.

М о л о д о й ч е л о в е к. Чем одарила ...

Д а л и. Клянусь, я никому ни слова. Могила.

М о л о д о й ч е л о в е к. Ну ... она мне ссудила. Некоторую сумму.

Д а л и. На новый «Фольксваген-Жук»? Или, может быть, «Роллс-ройс»?

М о л о д о й ч е л о в е к. Да нет. У меня другие планы.

Д а л и. Какие же? Если не секрет.

М о л о д о й ч е л о в е к. В Америку хочу податься.

Д а л и. Зачем?

М о л о д о й ч е л о в е к. Там легче пробиться.

Д а л и. Это верно. Американцы ведь как дети. Ни черта не смыслят в искусстве. Поэтому покупают только шедевры. И вываливают за них сумасшедшие деньги. Сразу и не торгуясь. Но там такая унылая жизнь. А кухня! Бр-р. Вы любите вкусно поесть?

М о л о д о й ч е л о в е к (*усмехается*). Вкусно поесть. Да я готов годами сидеть на одном хлебе и горохе. Лишь бы достичь своей цели.

Д а л и. Вот это уже никуда не годится. Совершенно.

М о л о д о й ч е л о в е к. Почему?

Д а л и. Каждый день питаться одним хлебом и горохом – слишком дорогое удовольствие. Их же надо покупать. А для этого придется работать. Вот если бы вы привыкли жить на одной икре и шампанском ...

М о л о д о й ч е л о в е к. Тогда что?

Д а л и. Это не стоило бы вам ни гроша.

М о л о д о й ч е л о в е к. Вы смеетесь надо мной?

Д а л и. Вот еще. Смех – дело серьезное. Нельзя смеяться над чем попало. *(Опережает пытающегося что-то ему сказать собеседника.)* Вы, по-видимому, полагаете, что художник – человек, который полон вдохновенья. Заблуждение. Художник – это тот, кто умеет вдохновлять других. Прежде всего тех, кто, взамен, будет ... что? Правильно, угощать его шампанским и икрой. За счастье почтет.

М о л о д о й ч е л о в е к. А ... как это, вдохновлять?

Д а л и. Вас еще и этому надо учить? Ладно. Дали не менее щедр, чем его жена. Слушайте. Но для начала ответьте мне на один вопрос. Вам знаком сей предмет?

М о л о д о й ч е л о в е к. Ваши усы? Кому же они не знакомы.

Д а л и. Смею заметить, это не просто усы. Это часовые. Они охраняют вход в мою неординарную личность. Пока все разглядывают их, я, укрывшись за ними, делаю свое дело. Но, самое главное, это еще и антенны. С их помощью я принимаю позывные. Идущие ... вы знаете, откуда. Более того. Они для меня нечто вроде кудрей библейского Самсона. Лишусь их – и всё. Дар исчезнет. А с другой стороны, вполне можно допустить ведь и то, что ... отдельно от меня они тоже ...

М о л о д о й ч е л о в е к. Что, тоже?

Д а л и. Могут быть носителями. Какого-нибудь дара. Для их нового владельца. Или владельцев. Логичное допущение?

М о л о д о й ч е л о в е к. Ну, в общем ...

Д а л и. Я тоже так подумал. Однажды. И решил выставить на продажу волосок из своего правого ... нет, левого ... нет, правого уса. В итоге я выручил за него такую сумму, которую вам хватило бы не только на поездку в Америку. Но и лет на пять безбедного там существования. Не только на хлебе и горохе.

М о л о д о й ч е л о в е к. И кто же, интересно, его купил?

Д а л и. Да какая-то банда волосатиков. Бренчат на гитарах с электричеством, а от них весь мир с ума сходит. Еще такое смешное название. Жучки какие-то.

М о л о д о й ч е л о в е к. «Биттлз»?

Д а л и. Точно. Знаете таких?

М о л о д о й ч е л о в е к. Вы еще спрашиваете. Это же величайшие музыканты.

Д а л и. Такие же как Вагнер?

М о л о д о й ч е л о в е к. Ну ... в своем роде.

Д а л и. Вот как? Надо будет тоже послушать. Особенно после того, как мой волшебный усик придал новый мощный импульс их творчеству.

М о л о д о й ч е л о в е к. Вообще-то они уже давно распались.

Д а л и. Да вы что. Значит, он сподвиг их к индивидуальному самовыражению.

М о л о д о й ч е л о в е к. Это и называется – вдохновлять других?

Д а л и. Вот. Вы уже схватываете. Молодец, так держать.

М о л о д о й ч е л о в е к. А как же вы сами?

Д а л и. Что, я сам?

М о л о д о й ч е л о в е к. Ну как. Так вот повыдергиваете. Один за другим. Все волоски. И как же антенны? Вдруг испортятся? Принимать перестанут. Позывные.

Д а л и *(сокрушенно вздыхает)*. Похоже, я вас перехвалил.

М о л о д о й ч е л о в е к. В каком смысле?

Д а л и. Или вы тоже считаете, что я больной от рождения.

М о л о д о й ч е л о в е к *(после паузы)*. То есть, ... если я правильно понял, ... вы им продали не свой волосок?

Д а л и. Ну слава Богу. Реабилитировались. Частично.

М о л о д о й ч е л о в е к. А тогда чей?

Д а л и. Ничей.

М о л о д о й ч е л о в е к. А тогда что?

Д а л и. Травку.

М о л о д о й ч е л о в е к. Какую ... травку?

Д а л и. Не ту, о которой вы подумали. Той у гитаристов и без меня хватает.

Господи, да обыкновенную травинку. Я даже названия не знаю. Коричневую такую. Здесь в округе их полно растет. Что хорошо – они тоненькие, но прочные. И скручиваются. В спиральку. Если намочить. Я иногда даже вплетаю их в антенны. Чтобы придать густоты. Но это, разумеется, между нами. «Жучкам» об этом знать необязательно. Зачем. Не дай Бог, еще вдохновение пропадет. А это катастрофа.

Двустворчатые двери с шумом распахиваются. Выходит Гала в будуарном облачении. При ее появлении Дали аккуратно прячется за картину «Портрет Элюара».

М о л о д о й ч е л о в е к *(негромко, как бы про себя)*. Катастрофа.

Г а л а *(заметив его)*. Ты еще здесь, дружок?

М о л о д о й ч е л о в е к. Да я почти ушел. А тут ... мэтр. Так вот, слово за слово, и

...

Г а л а. Какой мэтр?

Д а л и *(появляется из-за своего укрытия)*. А вот, черт возьми, и я. Почти как Фигаро. Точнее, как русская матрешка. Прямо из своего предшественника.

Г а л а. О, Господи, напугал. А я в дезабийе. Ничего? Тебя не смущает?

Д а л и и м о л о д о й ч е л о в е к *(переглянувшись, одновременно)*. Кого?

Г а л а. *(Дали)*. Да тебя, кого еще.

Д а л и. Но ... я, некоторым образом, твой муж. Извиняюсь за выражение.

Г а л а. Ах, да, от неожиданности что-то совсем из головы ... Стоп! Однако, в чем дело?

Д а л и. В чем ... дело?

Г а л а. Это я спрашиваю. Почему ты нарушил предписание?

Д а л и. Я? Нарушил? Разве я мог бы осмелиться?

Г а л а. Тогда почему ты здесь?

Д а л и. Ко мне прибыл посыльный. С распоряжением вашего величества. Явиться пред светлые очи.

Г а л а. Как ... прибыл? *(Смотрит на молодого человека.)*

М о л о д о й ч е л о в е к. Но вы же сами мне сказали отправить ...

Г а л а. Когда! Это надо было сделать. Он *(кивает на Дали)* мне нужен был после обеда. Ничего нельзя доверить. Вечно всё перепутают. Ну вот. Теперь из-за тебя мне приходится краснеть. Принимать мужа в таком фривольном виде. Словно какого-то очередного ... А ведь он художник, натура тонкая. *(Отходит к зеркалу и начинает приводить в порядок свой туалет и прихорашиваться.)*

Д а л и *(молодому человеку, вполголоса)*. Кокетничает. На самом деле ее хлебом не корми, дай покрасоваться. Выставить напоказ. Свои прелести. Я же – типичный вуайерист. И мазохист. Но для художника это нормально, как думаете?

М о л о д о й ч е л о в е к. Думаю, ...

Д а л и. И это уже радует. *(Следя за женой, с восхищением)*. Моя Галюшка. Моя оливочка. Моя Градива. Моя Елена Прекрасная. Моя блистательная, как морская гладь, Галатhea. *(Молодому человеку.)* Ну? Я вас спрашиваю.

М о л о д о й ч е л о в е к. Что, ну?

Д а л и. Как она вам?
М о л о д о й ч е л о в е к. Ну ...
Д а л и. Что, ну?
М о л о д о й ч е л о в е к. Очаровательна.
Д а л и. Так-так.
М о л о д о й ч е л о в е к. Э-э ... обворожительна.
Д а л и. Та-ак.
М о л о д о й ч е л о в е к. Красива.
Д а л и. Господи, что он несет.
М о л о д о й ч е л о в е к. Простите?
Г а л а. Что вы там всё шушукаетесь? За моей спиной.
Д а л и. Мы обсуждаем.
Г а л а. Кого?
Д а л и. Тебя, конечно. Не друг друга же.
Г а л а. Любопытно послушать.
Д а л и (*молодому человеку*). Ну давайте, давайте.
М о л о д о й ч е л о в е к. Что давать?
Д а л и. Продолжайте.
М о л о д о й ч е л о в е к. Э-э ...
Д а л и (*Гале*). Он сказал, что ты ослепительно красива.
М о л о д о й ч е л о в е к (*тихо, как бы про себя*). Что «ослепительно» я, положим, не говорил.
Д а л и (*Гале, громко*). Что «ослепительно» он не говорил.
Г а л а. Вот как?
М о л о д о й ч е л о в е к. Дело в том, что ... Я просто не люблю громкие слова. Они всегда звучат как-то фальшиво.
Г а л а. А тихие? Наоборот, звучат натурально?
М о л о д о й ч е л о в е к. Вы меня не так поняли, Гала. Дело в том, что ... ваша красота очевидна. Она не нуждается ...
Г а л а. В чем?
М о л о д о й ч е л о в е к. В лишних эпитетах.
Г а л а (*Дали*). Он надо мной издевается?
Д а л и. Не то слово. Глумится.
М о л о д о й ч е л о в е к (*Дали, с деликатной укоризной*). Что вы такое говорите, мэтр. (*Гале*.) Разве я мог бы осмелиться.
Г а л а. Неумелая лесть – худшая издевка.
М о л о д о й ч е л о в е к. Но я не льстил. Я всегда говорю то, что думаю.
Д а л и (*Гале*). Вот так, и никаких компромиссов.
Г а л а. Все говорят то, что думают. А как иначе? Это как одеваться. Просто у кого-то одна-единственная мысль. Пардон, наряд. А у другого – их целый гардероб. Можно выбрать. Что надеть по случаю. (*Молодому человеку*.) А ты, оказывается, плутишка.
М о л о д о й ч е л о в е к. Я? Боже мой, Гала, да я абсолютно искренен перед вами.
Д а л и. Ой-ой-ой-ой-ой.
М о л о д о й ч е л о в е к. Что, ой-ой-ой?
Д а л и. Ничего. Помимо того, что сказано.
М о л о д о й ч е л о в е к. Ну хорошо. Ладно. А вот вы, мэтр.
Д а л и. Что я?
М о л о д о й ч е л о в е к. Вы считаете иначе? Вы считаете, что ...

Д а л и. Так-так?

М о л о д о й ч е л о в е к. Ваша жена, она ...

Д а л и. Ну смелее, смелее.

М о л о д о й ч е л о в е к. Она ... некрасива?

Д а л и (*вздыхает*). Опять.

М о л о д о й ч е л о в е к. Что, опять?

Д а л и. Вынужден повториться. О скудости вашей палитры. Только два контрастных цвета. Для художника это недопустимо.

М о л о д о й ч е л о в е к. Тогда какая она? Не просветите?

Д а л и. Она ... прежде всего элегантна. А в элегантной женщине ... что?

Правильно. Всегда ощутима грань ее уродства.

М о л о д о й ч е л о в е к. Уродства?

Д а л и. Не ярко выраженного, конечно. Так, слегка прорисованного. Ну и красоты, разумеется. Которая тоже всего лишь едва заметна. Не более того. Особенно это касается лица. Зато уж руки и ноги элегантной женщины должны быть просто безукоризненно, я бы даже сказал, умопомрачительно красивы. И – насколько возможно – открыты взору. Тут дезабийе – как раз то, что надо.

М о л о д о й ч е л о в е к. А ... грудь? В таком случае.

Д а л и. Грудь не имеет никакого значения. Если она красива – прекрасно, если нет – прискорбно, но само по себе это не важно. Дальше логично напрашивается вопрос про ягодицы. Я помню, мсье поэт ... (*показывает на портрет Элюара*) ... любил хвастать: «Они так удобно лежат у меня в руках!» Что тут сказать? Я до сих пор так и не понял, чему это комплимент: рукам или ягодицам. Короче, что касается фигуры, то я предъявляю к ней лишь одно неперемное требование. Это рисунок бедер. Крутых и поджарых, если позволительно так выразиться. Их угадаешь под любой одеждой, они словно бросают вызов. Вы, наверное, полагаете, что не менее важен рисунок плеч? Ничего подобного. Я допускаю любой, лишь бы волновал.

М о л о д о й ч е л о в е к. А ...?

Д а л и. Глаза? Это важно. Они обязательно должны быть умными. Ну или хотя бы казаться. Запомните, у элегантной женщины не может быть глупого выражения лица. Что свойственно тем, кого принято называть красотками. Что еще ... Ах да, улыбка. Улыбаясь, женщине ни в коем случае не следует скалить зубы. Улыбка должна таить в себе загадку. Как у Джоконды. А заодно и скрывать недостатки. В целом же, если подводить итог, элегантная женщина – это та, у которой ... что? ... правильно, девственно безволосые подмышки, и которая ... что?

М о л о д о й ч е л о в е к. Э-э ...

Д а л и. Вполне искренне и глубоко вас презирает.

М о л о д о й ч е л о в е к. Меня?

Д а л и. Ну не меня же.

Г а л а. Замечательно. И я, как манекен, стою здесь и слушаю всю эту чушь.

Д а л и. А зачем? Я же не тебе ее заправляю.

Г а л а. Вот именно. Я-то уж привыкла. А что человек со стороны скажет?

Д а л и. То же. Что и все вокруг. Твердят который уж год подряд. А то и тысячелетие. Дали – шут! (*Молодому человеку.*) Да, я шут. Я циркач. Так что же? Это хобби. всерьез я работаю в несколько иной области. А как бы все возликовали, будь всё наоборот. Будь я шут в искусстве. Имейте в виду: серьезного отношения к делу люди не прощают. Никогда.

Молодой человек. Да что ж я, сам не знаю. У самого врагов – только успевай. Отбиваться.

Гала. Отбиваться? А это-то еще зачем?

Дали. Действительно. Наоборот. Надо обожать своих недругов. Холить их, лелеять. Не будь у меня врагов, мне никогда не стать тем, кто я есть. Слава Богу, их всегда хватало.

Гала. К тому же, по большей части, это все были люди с мозгами.

Дали. И обаянием. Чего не скажешь о всяких прихвостнях. Пытающихся набиться в друзья. Вот уж где поистине. Бездны идиотизма.

Молодой человек *(после паузы)*. Это ... снова намек?

Дали. Да что вы всё, ей-богу. Со своими намеками. Не о том думаете. Так и о главном забыть недолго.

Молодой человек. О чем, о главном?

Дали. Зачем вы здесь.

Гала. А зачем он здесь?

Дали. А ваше величество не в курсе?

Гала. Наше величество отправило его восвояси почти час назад. А вот по какому случаю он застрял тут, как муха в патоке, это уже ...

Дали. Что значит, по какому. Наткнулся на патоку и застрял. *(Молодому человеку.)* Да?

Гала. В смысле?

Дали. Человек всю свою жизнь мечтал встретиться с Сальвадором Дали. Просто, можно сказать, спал и грезил.

Гала. Вот как? Любопытно. Впервые слышу. А зачем ему это понадобилось?

Молодой человек. Видите ли, дело в том, что ... как бы я ... то есть, мы ...

Дали *(подсказывает)*. Родственные натуры. Родственные натуры.

Молодой человек. Ну, можно сказать, ... в каком-то роде ...

Дали. Да что вы всё мямлите. Честное слово! Давайте, как вы привыкли. Рубаните с плеча. Правду-матку. *(Гале.)* Он тоже занимается живописью. Представляешь?

Гала. Час от часу не легче. И что же он написал?

Дали *(переводит вопросительный взгляд на молодого человека)*. Да.

Молодой человек. Ну ... у меня уже где-то десятка три картин.

Дали *(Гале)*. А, каково! Целых три десятка!

Гала. Всего-навсего?

Молодой человек. Это только готовых.

Дали. Готовых к чему?

Молодой человек. Я имею в виду, законченных.

Дали. А-а.

Молодой человек. Они, правда, еще нигде не выставлялись. Поэтому вы их, естественно, ...

Дали. Естественно.

Молодой человек. Я хотел было захватить с собой парочку, из лучшего.

Гала. Зачем?

Молодой человек. Показать.

Гала. Мне?

Молодой человек. Ну ... в первую очередь, наверно ... *(смотрит на Дали)*.

Дали. Логично.

Молодой человек. Но потом подумал, что ...

Д а л и. Гала тут же заподозрит какой-то подвох.

М о л о д о й ч е л о в е к. Да нет. Они просто такие ... немного громоздкие. Я не пишу миниатюр.

Д а л и. А-а. Ну да, ну да.

М о л о д о й ч е л о в е к (*Гале, поймав ее взгляд*). Нет, ну и чтобы вы, конечно, тоже. Не подумали.

Г а л а. Что не подумала?

М о л о д о й ч е л о в е к. Что для меня это главное. Что на самом деле я только ради этого ...

Д а л и. А, так это не главное.

М о л о д о й ч е л о в е к. Да нет. Для меня всё важно. И то, и то. Одно ведь другому не помеха.

Д а л и. Естественно. (*Гале*.) Как ты говоришь, у вас, в России, это называется? Что-то там ... и рыбу съесть, и ...

Г а л а. Я же говорю. Плутишка. Да какой там. Бери выше. Целый прохиндей.

Д а л и. Ну, это не страшно. В конце концов, прежде всего – художественные достоинства. (*Замечает, как Гала морщится*.) Что, тоже не ахти?

Г а л а. Импрессионист.

Д а л и. Да ты что! (*Молодому человеку*.) Ай-яй-яй. Как же это вас так угораздило?

М о л о д о й ч е л о в е к (*Гале*). Простите, но вы что-то путаете. Я не ...

Г а л а. Ничего я не путаю. Импрессионист, каких еще поискать. На уме только одно. Как бы произвести впечатление. А все остальное – по боку. Запомни, дружок, так лавров не снискать. Ни в любви, ни в искусстве.

Д а л и. Ни в искусстве любви, ни в любви к искусству.

М о л о д о й ч е л о в е к (*после паузы, избегая встречаться с Галой взглядом*). Я не знаю, конечно, как насчет любви. Это дело такое. Всем не угодишь. А вот что касается искусства ...

Д а л и. Да-да?

М о л о д о й ч е л о в е к. Как тут можно судить, если не видеть главного. Самогó, так сказать, предмета.

Д а л и. Какого предмета?

М о л о д о й ч е л о в е к. Картин.

Д а л и. Можно. Еще как. Достаточно увидеть их автора. Это более показательный предмет.

М о л о д о й ч е л о в е к. Что вы имеете в виду?

Д а л и. Открою одну маленькую тайну. Чтобы быть художником, вовсе не обязательно писать картины. Да, да, вы этого не знали? (*Молодой человек пожимает плечами*.) Скажу больше. Величие художника заключается в том, чтобы вообще не браться за кисть.

М о л о д о й ч е л о в е к. То есть, как это?

Д а л и. Если он не уверен, что может создать абсолютный шедевр.

М о л о д о й ч е л о в е к. А-а.

Д а л и. Что такое?

М о л о д о й ч е л о в е к. Мне кажется, у вас слишком высокие требования, мэтр.

Д а л и. У меня?

М о л о д о й ч е л о в е к. Ну ...

Д а л и. Нет, а как, извините, иначе?

М о л о д о й ч е л о в е к. Но не все же могут им соответствовать. Наверно.

Д а л и. Правда? Впрочем, вам видней. И что?

М о л о д о й ч е л о в е к. Как же тогда быть?

Д а л и. Кому?

М о л о д о й ч е л о в е к. Тому, кто не соответствует.

Д а л и. Как быть? Вопрос основательный. Но законный. Я знаю один способ. Не уверен, правда, что вы захотите им воспользоваться.

М о л о д о й ч е л о в е к. Почему нет. Попытка – не пытка.

Д а л и. Ладно, уговорили. Но предупреждаю, он достаточно радикальный. Хотя и надежный. (*Достает из кармана револьвер.*) Вот, пожалуйста. Вы не подумайте, это не русская рулетка. Чет, нечет. Ничего подобного. Никакого жульничества. Барабан полный. И механизм исправный. Так что ... результат гарантирован.

М о л о д о й ч е л о в е к. Вы очень любезны.

Д а л и. Ради вас на любые жертвы.

М о л о д о й ч е л о в е к. Спасибо, но ... я, наверно, всё же предпочту другой путь.

Д а л и. Какой же, если не секрет?

М о л о д о й ч е л о в е к. Попробую пойти по вашим стопам.

Д а л и. А-а. Вы думаете, это будет легче, чем ... (*кивает на револьвер*)?

М о л о д о й ч е л о в е к. Поживем – увидим.

Д а л и. Ну что ж. В таком случае, счастливого пути. (*Гале.*) Да?

Г а л а. Вы мне что-то совсем уже голову заморочили. Так чего он все-таки хочет?

Д а л и. Насколько я понял, он хочет стать художником. Настоящим. С большой буквы. И преуспевающим.

Г а л а. Кто, он? Он?! (*Заливается в хохоте*). Держите меня, я сейчас упаду.

М о л о д о й ч е л о в е к. Простите, Гала, я не пойму, а что здесь смешного?

Г а л а. Я хочу стать королевой Испании. Что здесь смешного?

М о л о д о й ч е л о в е к. Это разные вещи.

Г а л а. В самом деле?

М о л о д о й ч е л о в е к. Конечно. Королевой надо родиться.

Г а л а. А художником? Художником не надо? Разве можно стать настоящей королевой, если в тебе нет задатков королевы? Если ты не ужален этим талантом.

Д а л и (*молодому человеку*). Вот уж кто поистине. Жалит, так жалит. Я ее иной раз прямо так и называю. Моя пчелка. Прилетит, укусит – и до свидания. Отдохнет, поднакопит яду – глядь: уже снова здесь. Так что палец ну просто так и зудит. Тянется. Вы понимаете, к чему. Как у кое-кого при слове «культура». Впрочем, я готов уступить вам это почетное право. И удовольствие (*протягивает револьвер*).

М о л о д о й ч е л о в е к (*настороженно*). Что ... вы имеете в виду? (*После того, как Дали показывает сначала на револьвер, потом на Галу.*) Вы с ума сошли, мэтр!

Д а л и. Если б вы только знали, сколько раз за свою жизнь я слышал эту трогательную фразу. Но даже она не смогла поколебать моего светлого рассудка. Ну давайте, давайте. Пока она не отвернулась. И вы можете запечатлеть ее прощальный взгляд. Для будущего полотна.

М о л о д о й ч е л о в е к. Я прошу прощения, но мне кажется, это не самая удачная шутка.

Д а л и. Вот. (*Прячет револьвер в карман.*) И это лучшее доказательство.

М о л о д о й ч е л о в е к. Доказательство чего?

Д а л и. Силы ваших чувств.

М о л о д о й ч е л о в е к. К кому, к Гале?

Д а л и. Ко всему.

М о л о д о й ч е л о в е к (*негромко, как бы нехотя*). Ну, извините, а вы сами-то что ж? Если уж на то пошло.

Г а л а. Не переживай, малыш. Уж за кем, за кем, а за ним не заржавеет.

Д а л и (*Гале*). Мое солнышко, ты всегда думаешь обо мне лучше, чем я того заслуживаю.

Г а л а. Ну ты же мне однажды сам пообещал. Или уже забыл?

Д а л и. Как я могу забыть. Эти самые пленительные мгновения моей жизни.

Г а л а. Волнительные?

Д а л и. Какая разница. Боже мой, это было почти полвека назад, а кажется – сегодня утром. (*Молодому человеку*.) Представьте себе. Кадакес, городок моего детства. Ультрамарин моря. Золотистая охра солнца. Свинцовые белила домов. И черные пятна рыбацких баркасов. На сонном розовом берегу. Рай. Для поэта. Дикая глушь – для нормального, не отягощенного всякими романтическими бреднями человека. И в эту божественную дыру. По моему приглашению. Тогда еще никому не известного чудачка-провинциала. Съезжаются. Бунюэль! Магритт! Элюар! А, как? Звукосочетания.

М о л о д о й ч е л о в е к. Ну ...

Д а л и. Вот именно. Но какими же ничтожными и блеклыми показались мне они рядом с той, что в один прекрасный момент вылезла, вслед за своим мужем, из подъехавшего к моему дому такси. А я-то, я-то был хорош. (*Гале*.) Ты помнишь, как я выглядел?

Г а л а. Еще бы. Такое разве забудешь. Шелковая рубашка. С широченными рукавами и вырезом, как у марсельского апаша. Жемчужное ожерелье на шее. Сандалеты. Набриолиненные волосы. И красная герань за ухом. Ни дать, ни взять – латиноамериканский танцор на гастролях. А запах!

Д а л и. Божественный, правда? Стойкое сочетание лаванды. Рыбьего клея. И козьего помета. (*Молодому человеку*.) Этот одеколон стал шедевром моих парфюмерных опытов. Жаль только не успел запатентовать. (*Гале*.) А вел себя как!

Г а л а. Да, это было еще отвратней одеколону. Чуть что – заливался хохотом, как последний олигофрен.

Д а л и. Но тебя это не оскорбило, нет. И даже не покорило. Наоборот, ты пришла в экстаз.

Г а л а. Правильно. Потому что я тебя сразу же раскусила. В отличие от всех остальных. Это ведь не был смех какого-то весельчака. Балагура. Или скептика.

Д а л и. Да, это был смех фанатика. В нем сквозили ужас, буря, бездна. И тогда ты сказала мне ... Ты помнишь, что мне сказала?

Г а л а. Конечно, я пока еще не впала в маразм. Я сказала, что мы никогда больше не расстанемся.

Д а л и. Нет. Не так. Ты сказала: «Дитя мое! Мы никогда больше не расстанемся!» (*Молодому человеку*.) Вы чувствуете разницу?

М о л о д о й ч е л о в е к. Ну, в общем ...

Д а л и. А потом она добавила: «Скоро ты узнаешь, что мне от тебя нужно». Это скоро длилось до осени. Пока вся шайка-лейка не отчалила, наконец, в Париж. Все, за исключением моей венценосной богини. И вот однажды. В одном из самых пустынных и диких мест на побережье. Я обнял ее. И спросил. (*Гале*.) Что я у тебя спросил?

Г а л а. Что мне сделать с тобой?

Д а л и (*молодому человеку*). Надо же. Тоже помнит. Правильно. Ответа я, правда, не дождался. От волнения она не могла вымолвить ни слова. А глазки уже на мокром месте. А в губках – дрожь. Но я не отставал и повторил вопрос. И она наконец решилась.

И таким жалобным девчоночьим голоском пролепетала: «А если я скажу, и ты не захочешь это сделать, ты никому не скажешь?» Тогда я поцеловал ее в губы. Впервые в жизни я так целовал женщину – жадно, взасос. Потом схватил ее за волосы. Оттянул назад ее голову. И заорал. «Скажи, что мне сделать с тобой! Скажи внятно, грубо! Непристойно! Так, чтоб стало стыдно! Скажи!» И тут – лицо ее вдруг моментально стало суровым, светлым, самовластным – она огласила свой приговор. *(Гале.)* Ну-ка повтори, что ты мне тогда приказала.

Г а л а. Прикончи меня.

Д а л и *(молодому человеку)*. Слышали? Я тогда тоже подумал – померещилось. Но она повторила. И спросила. С такой гнусенькой ухмылкой. *(Гале.)* Нет, не такой. ... Вот, теперь более или менее. «Сможешь?», - спросила она. Я был ошеломлен. Растерян. Раздавлен. Вместо приказа любить, которого я так ждал и страшился, затягивая отсрочку, услышать такое! Оказалось – она мне потом призналась – одна только мысль о смертном часе повергала ее в ужас. Она хотела, чтобы смерть настигла ее неожиданно. Вдруг. Она хотела чистой смерти. Не замаранной грязью кромешной жути последних минут. «Сможешь?» - повторила она. Уже с презрением – она усомнилась во мне. И тогда ... тогда я взял себя в руки. Из гордости, разумеется. Какие еще могут быть причины, когда у тебя от страха трясутся все поджилки. Я снова сжал ее в объятиях. И ответил. Со всей суровостью, на которую был способен. «Да, смогу!», - сказал я. И впился в ее губы. А в душе у меня звучало: «Нет. Я тебя не убью. Никогда. Ни за что». И она это знает. И знает прекрасно, почему. Не потому, что я трус. Нет. А потому что ...? *(вопросительно смотрит на Галу.)*

Г а л а. Эгоист.

Д а л и. Точно. Только и думаю, что о себе. *(Молодому человеку.)* Вот. Видите. Сколько вы за сегодня узнали тайн. Нашего святого семейства. На зависть всем бульварным газетенкам.

М о л о д о й ч е л о в е к. Надеюсь, мэтр, вы не думаете, что я завтра же побегу продавать им ваши тайны.

Д а л и. Конечно, нет. Зачем откладывать на завтра. Бегите прямо сейчас. Дали – это миф. А миф нуждается в постоянной подпитке.

М о л о д о й ч е л о в е к. Извините, но я не папарацци. И как бы вообще не за этим сюда ...

Д а л и. А зачем? Все-таки.

Г а л а. Да.

М о л о д о й ч е л о в е к. Ну как. Вы же сами меня пригласили, Гала.

Г а л а. Но в каком качестве. А тут выясняется. Что тебя интересую вовсе не я, а мой муж. К которому ты так ловко пытаешься набиться в подмастерья.

М о л о д о й ч е л о в е к. Я ни к кому не пытаюсь ...

Д а л и. Правда?

М о л о д о й ч е л о в е к. Ну ...

Д а л и. А ну-ка в глаза смотреть, в глаза. Да не мне. *(Кивает на Галу.)* Прокурору.

М о л о д о й ч е л о в е к. Нет, конечно, если честно, ... по большому счету ... Если бы это только было возможно ... Для меня это могло бы стать просто самым настоящим ...

Д а л и. Несчастьем?

М о л о д о й ч е л о в е к. Почему, наоборот. В конце концов ... если уж на то пошло ... как известно ... у всех великих мастеров были ученики. Так сказать, последователи.

Г а л а. А откуда это известно?

Д а л и. Да. От последователей?

М о л о д о й ч е л о в е к. Ну ...

Г а л а. Да даже если и были. Они же, что называется, не ходили к ним в школу.

Д а л и. А те, что ходили, потом, как показывает практика, частенько предавали учителя. Или, в лучшем случае, просто отрекались от него.

М о л о д о й ч е л о в е к. Это не мой случай. Абсолютно. Поверьте мне, мэтр, я ...

Д а л и. Верю, верю. Но вы только посмотрите. Чистым незамутненным оком. Ну какой, какой из меня, прости Господи, преподаватель. Самого еще учить, да учить.

М о л о д о й ч е л о в е к. Да конечно.

Д а л и. Я вам говорю. Больше того. Открою вам еще одну тайну. Тайну из тайн. Уже не для желтой прессы. Самый знаменитый художник на земле – речь, естественно, обо мне – до сих пор так толком и не знает, как писать. Да, да. Никто и представить себе не может, как страшно мне порой бывает братья за кисть. Сколько раз я ночами не спал из-за одного только неверного мазка. Вот она свидетельница. Всех моих отчаяний. И приступов самой черной меланхолии. Вообще, имейте в виду, живопись и Дали – далеко не одно и то же. Я, как художник, себя не переоцениваю. Полагаю, я, скорее, даже скверный художник. Как личность я куда крупнее своего таланта. Будь я поглупее, я бы наверно куда лучше рисовал. Просто другие были так плохи, что я оказался на вершине. Но это уже не моя вина, правда? Ну вот. А вы ко мне в подмастерья.

М о л о д о й ч е л о в е к. Ну ... в подмастерья вовсе необязательно в, так сказать, прямом смысле. Академическом. Технике там учиться. И так далее.

Д а л и. А чему же тогда?

М о л о д о й ч е л о в е к. Просто. Жизни.

Д а л и. Вы думаете, я в этом поднаторел больше, чем в технике?

М о л о д о й ч е л о в е к. Вне всяких сомнений. Сальвадор Дали уже успел дать мне пару очень дельных советов.

Г а л а. В самом деле? А разве все они не даны еще до него?

М о л о д о й ч е л о в е к. Кем ... даны?

Д а л и. Другим Сальвадором. (*Смотрит на картину «Христос Святого Иоанна Креста»*).

Г а л а. Читай Новый Завет, малыш. Там всё сказано.

М о л о д о й ч е л о в е к. Ну ... я, как бы, в монахи пока еще не собираюсь. Так, к слову.

Д а л и (*Гале*). Действительно. Что ты морочишь мальчику голову. Он хочет затмить славу земного Сальвадора. А ты ему про Завет.

М о л о д о й ч е л о в е к. Я не посягаю ни на чью славу. Упаси Господь. Я просто хочу занять свое место в этой жизни. Вот и всё.

Д а л и. Вот это благородно. Ничего не скажешь. Я могу вам чем-то помочь?

М о л о д о й ч е л о в е к. Ну ... я не знаю ...

Д а л и. Говорите, говорите, не стесняйтесь. Здесь все свои.

Г а л а. Давай, дружок. Это твой шанс. Другого случая может уже не представиться.

М о л о д о й ч е л о в е к (*демонстративно помявшись*). Хорошо. Я, в общем-то, как бы не очень хотел поднимать эту тему, но ...

Д а л и. Разумеется, мы сами вас вынудили. Ну, давайте, давайте. Но ...?

М о л о д о й ч е л о в е к. Вы сами прекрасно знаете, мэтр. В нашем деле ...

Г а л а. В нашем?

М о л о д о й ч е л о в е к. Я имею в виду ...

Д а л и. Я понял, понял.

М о л о д о й ч е л о в е к. Вот. Здесь всегда как бы важен ... даже очень важен ... первый толчок. Внимание, так сказать. Вы согласны?

Д а л и. И рад бы не согласиться, но ... увы. В нынешнем мире искусство, само по себе, стоит мало.

М о л о д о й ч е л о в е к. Вот видите.

Д а л и. Шум и славу создает антураж. Внешние эффекты.

М о л о д о й ч е л о в е к. О чем и речь.

Д а л и. Танец с саблями, кстати, из той же серии. Ну кого, скажите, могла бы заинтересовать обыденная приватная встреча двух старикашек. Даром, что оба они овеваны мировой славой. Мало ли каждый день происходит таких встреч. А так, о ней мигом прошелестела пресса по всему миру. А сколько народу, только прочитав этот анекдотец, впервые узнало о том, что на свете существуют такие имена. Дали и Хачатурян.

М о л о д о й ч е л о в е к. В том-то и суть.

Д а л и. Но, первостепенная деталь, в этом деле важна роль первопроходца. Если вы тупо повторите чей-то трюк, это будет просто жалкий плагиат. И кем бы вы ни были, он уже не вызовет ни малейшего интереса.

М о л о д о й ч е л о в е к. Золотые слова. Поэтому у меня есть такое ... как бы предложение.

Г а л а. Предложение?

М о л о д о й ч е л о в е к. Просьба. Если бы вы, мэтр, допустим, ... и вы, Гала ... сочли для себя возможным ...

Г а л а. Та-ак?

М о л о д о й ч е л о в е к. Приглашать меня, скажем, ...

Д а л и. Так-так?

М о л о д о й ч е л о в е к. Не обязательно на постоянной основе. А так, иногда. Время от времени.

Д а л и. А так можно?

М о л о д о й ч е л о в е к. Конечно, я не обижусь.

Г а л а. Приглашать куда?

М о л о д о й ч е л о в е к. На ... как это правильней выразиться ... мероприятия. Представления. (Дали.) Которыми вы, мэтр, так любите поражать публику. И умеете. С присущими вам ... фантазией ... юмором.

Г а л а. А зачем тебе это нужно?

М о л о д о й ч е л о в е к. Просто. Поучаствовать.

Г а л а. И в какой же роли?

М о л о д о й ч е л о в е к. Да, господи, в любой. Какую вы сочтете ...

Д а л и. Опасное заявление. Если учесть потенциал наших фантазий. И юмора.

М о л о д о й ч е л о в е к. Ну ... или я тоже мог бы там чего-нибудь выставить. К примеру. Картину. Или какой другой арт-объект. В случае необходимости. К вашей вящей славе.

Г а л а. К вашей, это ...?

М о л о д о й ч е л о в е к. Вас, обоих.

Д а л и. Как благородно с вашей стороны. И это всё?

М о л о д о й ч е л о в е к. Ну, в принципе, для начала ... А там уже, так сказать, как пойдет. (Пауза.) Так как вам? Идея.

Д а л и. Блеск! Такое мог выдумать только ... кто?

Г а л а. Самый настоящий камикадзе.

М о л о д о й ч е л о в е к. В каком смысле?

Г а л а. В таком, что вокруг Дали постоянно отираются такие придурки, что, ...

Д а л и. Да, попади вы однажды в их компанию, и вас потом уже никто никогда не станет воспринимать всерьез.

М о л о д о й ч е л о в е к. Серьезно?

Д а л и. Хотите проверить?

М о л о д о й ч е л о в е к. Да нет, зачем. Если вы говорите.

Г а л а. Что-то задор как-то сразу поиссяк.

Д а л и. Ну почему. Наверняка есть какой-то запасной вариант. *(Молодому человеку.)*

Да?

М о л о д о й ч е л о в е к *(помявшись)*. Может быть, тогда ...

Д а л и. Да-да?

М о л о д о й ч е л о в е к. Вы могли бы просто ... при случае ... замолвить за меня.

Словечко.

Д а л и. Перед кем?

М о л о д о й ч е л о в е к. Вообще. В частности, перед коллекционерами. У вас же наверняка много знакомых.

Д а л и. Ну! И не сосчитать.

М о л о д о й ч е л о в е к. И, как я слышал, в Америке тоже.

Д а л и. Особенно в Америке.

М о л о д о й ч е л о в е к. Ну вот ... как бы так.

Г а л а. И что же он должен про тебя замолвить?

М о л о д о й ч е л о в е к. Ну ... я не знаю. Как это обычно делается. Что есть, мол, один такой художник. Молодой. Талантливый. Перспективный.

Д а л и. Нет вопросов, замолвим.

Г а л а *(молодому человеку)*. И тебя тут же запишут в бездари и неудачники.

Д а л и. Сразу и бесповоротно.

М о л о д о й ч е л о в е к. Но почему?

Г а л а. Потому что тех, кого Дали по-настоящему ценит, он поносит самыми последними словами.

Д а л и. А вы сами этого сегодня разве не слышали?

М о л о д о й ч е л о в е к. Слышал. *(Пауза.)* Хорошо, тогда поругайте и меня.

Д а л и. О, мой друг. Поругайте! Это надо еще очень сильно заслужить.

М о л о д о й ч е л о в е к *(после паузы, сухо)*. Ну что ж. Спасибо, я всё понял.

Г а л а. Что ты понял?

М о л о д о й ч е л о в е к. Ну ...

Д а л и. Что напрасно потратил свои силы. На нужды швейного производства.

Г а л а *(Дали)*. Не переживай. Он за это в накладе не остался.

Д а л и. Все равно. А сколько он извел. Энергии. Времени. Должна же быть. В конце-то концов. Какая-то отдача. Нет, что ни говори, а я этого так оставить не могу. *(Молодому человеку.)* Мой друг, так и быть. Решено. Я нарисую ваш портрет.

М о л о д о й ч е л о в е к. Мой? Портрет?

Д а л и. А вы предпочитаете натюрморт?

М о л о д о й ч е л о в е к. Да я, собственно, ...

Д а л и. В качестве компенсации. За моральные издержки. Ну, как? Идет?

М о л о д о й ч е л о в е к. Ну ... я, конечно, был бы очень польщен. Даже счастлив.

Только когда?

Д а л и. А прямо сейчас. Чего время терять. *(Гале.)* Ассистент!

Г а л а. Да, профессор?

Д а л и. Зажим, тампон, скальпель!

Гала отодвигает в сторону одну из картин, обнаруживая укрытые за ней мольберт с холстом на подрамнике и столик с принадлежностями для рисования; берет и подает Дали планшет, лист картона и уголь. Дали делает несколько стремительных небрежных штрихов и протягивает готовую картину молодому человеку. Тот смотрит на нее с нескрываемым разочарованием.

Д а л и. Что такое? Что-то не так?

М о л о д о й ч е л о в е к. Да ... нет, всё так.

Д а л и. Не похоже?

М о л о д о й ч е л о в е к. Как сказать. *(Показывает картину залу.)*

Д а л и. Как есть, так и говорите. Не изменяйте себе.

М о л о д о й ч е л о в е к. Вы меня простите, мэтр, но такую ...

Д а л и *(подсказывает)*. Мазню. Называйте вещи своими именами.

М о л о д о й ч е л о в е к. Вот видите, вы сами это признали.

Д а л и. Что ж я буду. Отрицать очевидное. И что же? С мазней. Ее ...?

М о л о д о й ч е л о в е к. Я боюсь, не приняли бы к зачету даже в какой-нибудь детской изостудии.

Д а л и. Да вы что. Отчего же?

М о л о д о й ч е л о в е к. Оттого, наверно, что вы не слишком утруждали себя при ее создании.

Г а л а. А уж это-то тебе откуда известно?

М о л о д о й ч е л о в е к. Ну как. Я и глазом не успел моргнуть, как картина была готова.

Д а л и. Готова! А сколько недель я провел в напряженнейших размышлениях. И творческих муках. Прежде чем пришел. К такому космическому извержению фантазии. Это не в счет?

М о л о д о й ч е л о в е к *(немного смущенно)*. О чем вы могли размышлять, мэтр? Если мы впервые встретились здесь всего какой-то час назад.

Д а л и. Ну конечно. Рассказывайте. Как сюда не приеду, вы тут как тут. Уж который год.

М о л о д о й ч е л о в е к. Я?!

Д а л и. А кто же.

М о л о д о й ч е л о в е к. Простите, но вы меня с кем-то путаете. Гала, скажите вы.

Г а л а. Что я должна сказать?

М о л о д о й ч е л о в е к. Что я здесь первый раз в жизни. *(Дали.)* Клянусь, мэтр. Вы видели кого-то другого. Или других.

Д а л и. Да? А как похожи. Все на одно лицо. Вот, кстати, еще один. Такой же. Или одна, сам черт их сейчас не разберет.

Во время последней реплики из спальни появляется девица моделеподобного, но немного грубоватого облика, в стиле «унисекс». Фамильярно помахав Дали на ходу рукой, она молча уходит за кулисы. Молодой человек, изумленно замерев, провожает ее зачарованным взглядом.

М о л о д о й ч е л о в е к *(опомнившись)*. Это ... что? То есть, кто? Аманда Лир?

Д а л и. Кто такая Аманда Лир?

М о л о д о й ч е л о в е к. Как, вы не знаете? Звезда.

Д а л и. Из какой Галактики?

Молодой человек. В смысле, певица. (*Имитирует пение низким грудным голосом.*) It was down in Chinatown that I met the opium Queen. Go down. Go down. To the Queen of Chinatown.

Д а л и. Это еще что такое?

Молодой человек. Она так поет.

Д а л и. Какой ужас.

Молодой человек. Да, нет. Это я воспроизвел. Она поет лучше.

Д а л и. А-а.

Молодой человек (*оглянувшись на Галу, понижает голос*). А откуда она, интересно, взялась? Ее ведь не было в комнате.

Д а л и (*тоже оглянувшись, вполголоса*). Вы меня об этом спрашиваете? Из шкафа вылезла. Наверно.

Молодой человек. Там нет никакого шкафа.

Д а л и. Вот те раз. Незадача. Тогда из-под кровати. Кровать-то там, надеюсь, хоть есть?

Г а л а. Что вы там опять зашептались?

Д а л и. Мы снедаемы любопытством. Откуда? Сие небесное создание.

Г а л а. Тоже мне, нашел. Небесное. Трансвестит какой-то. Или еще чище.

Транссексуал.

Д а л и. Да какой она транс. Ты же прекрасно знаешь, почему пошли такие слухи.

Г а л а. Ты сам их распустил.

Д а л и. Именно.

Г а л а. Приваживаешь вечно. Кого не попадя.

Д а л и. Она была единственной, кто не действовал мне на нервы. Неужели ты этого не замечала.

Г а л а. Что ж я, совсем уже слепая. Поэтому-то мне однажды и пришла мысль. Передать тебя ей. Как часовые сдают свой пост новой смене. И ведь она, главное, согласилась. На иконе даже поклялась, мерзавка. В ней ведь тоже течет русская кровь. Якобы. Какая она к черту русская. Смесь бульдога с носорогом. В конечном итоге она предпочла прыгать по сцене и горланить свои дебилские песенки. Вгоняя в экстаз прыщавых юнцов. Вот на кого она променяла величайшего гения двадцатого века.

Д а л и. Да, печально.

Г а л а. Зато теперь каждое утро приплетается сюда. Кается, прощения просит. (*Молодому человеку.*) Да? (*Дали.*) Только поздно.

Молодой человек (*Гале, осторожно*). Простите, но я никого здесь не видел.

Г а л а. А что ты вообще видишь. Тебе мастер подарил картину. Божественный росчерк своего вдохновения. А ты – что за мазня! Не приняли бы к зачету! Вот в этом-то и разница. Между тобой и Сальвадором Дали.

Молодой человек. В чем, в этом?

Г а л а. В том, что, случись чудо, и ты вдруг разродился бы самым совершенным шедевром, тебе бы за него не дали и ломаного гроша. А за эту мазню, с подписью Дали, ты уже завтра можешь отхватить такую сумму, о которой даже и не мечтал.

Д а л и. И со временем ее стоимость будет только возрастать.

Молодой человек (*понуру смотрит на подаренную ему картину*). И вы, мэтр, ... считаете, что это справедливо?

Д а л и. Всё существующее разумно. Всё разумное существует. Кто это сказал?

Молодой человек. Э-э ...

Д а л и. Вы полагаете? Впрочем, неважно. Факт остается фактом. Человечество вступило в эру тотальной кренинизации. Для этого уже созданы все условия. И предпосылки.

М о л о д о й ч е л о в е к. И кто же его кренинизирует? Человечество.

Д а л и. А вы не в курсе? (*Молодой человек пожимает плечами.*) Ищите, кому выгодно. Стоят за этим, естественно, толстосумы. Их орудие – политики и пресса. Две самые бойкие шлюхи в нашем милом борделе.

М о л о д о й ч е л о в е к. А Сальвадор Дали в этом разве участия не принимает?

Д а л и. Дружочек, Дали – это всего лишь индикатор. Я просто делаю провокации. На степень устойчивости общества. К попыткам его кренинизации. Мой опыт показывает, устойчивость эта неуклонно падает. Что превращает нашу жизнь в законченный театр абсурда. Разница только в том, что вы все стараетесь играть по его правилам. А я над ними смеюсь. И живу по своим законам. Которые, в конечном итоге, ... что? Правильно, все начинают почитать за образец.

Г а л а (*молодому человеку*). Умоляю, только не спрашивай опять, справедливо это или нет. Не добивай меня.

Д а л и. Да пусть спросит. Вечно ты со своими завышенными мерками.

М о л о д о й ч е л о в е к (*после паузы, с решительным вздохом*). Не буду я ничего больше спрашивать. Вообще.

Г а л а. Что ж так?

М о л о д о й ч е л о в е к. Не хочу.

Д а л и. Вот это правильно. Это по-нашему. А теперь надо ... (*Гале*) ... что? По законам жанра.

Г а л а. Разорвать портрет. И швырнуть клочки нам под ноги.

Д а л и. Сурово. Но логично.

М о л о д о й ч е л о в е к (*не выдержав направленного на него сдвоенного ожидающего взгляда, опускает глаза*). Ну, если бы это был рисунок не великого Дали ...

Д а л и (*Гале*). Да. А какого-нибудь там, скажем, Рембрандта. Или Дюрера.

М о л о д о й ч е л о в е к. Извините, мэтр, мне кажется, будет лучше, если я ... (*кивает на выход*)

Д а л и. Разумеется. Если вам так кажется. Своей интуиции перечить не след. Вместе с портретом, я полагаю?

Г а л а. Разумеется.

М о л о д о й ч е л о в е к. Но это же подарок. (*Смотрит на Дали.*)

Д а л и. Кто же спорит.

М о л о д о й ч е л о в е к. Тогда ... позвольте откланяться.

Д а л и. Позволяю.

М о л о д о й ч е л о в е к. До свидания.

Д а л и. Не забудьте о том, что я вам говорил. Про икру с шампанским. В этом залог успеха.

М о л о д о й ч е л о в е к. Не забуду. До свидания, Гала.

Г а л а. Прощай, дружочек. И смотри, не перепутай. Счастье и успех – не одно и то же.

М о л о д о й ч е л о в е к. Постараюсь.

Д а л и. Мой предшественник (*кивает на портрет Элюара*) обронил как-то прелестные строки. «Наше счастье всегда в полете. Нет гнезда у него, только крылья». Успешного вам полета.

М о л о д о й ч е л о в е к. Благодарю. (*Сухо кланяется и поворачивается на выход*).

Д а л и (*вдогонку*). Когда вас снова ждать?

М о л о д о й ч е л о в е к (*не оборачиваясь*). Никогда! (*Уже уйдя, выглядывает из-за кулис*). Я всё расскажу битлам! Про вашу липу. С усиком. Вот так! (*Исчезает.*)

Д а л и. Сделайте одолжение. Этим вы только удвоите его стоимость. (*Гале.*)

Обиделся.

Г а л а. Сомневаюсь. Его душа так же пуста, как и кошелек.

Д а л и. И охота тебе связываться со всяким ничтожеством.

Г а л а. А что же мне? Извините. Все время быть в окружении одних только гениев?

Так и до психушки рукой подать.

Д а л и. Тоже верно. И все же ... Не в качестве упрёка, но ... Ты все-таки могла бы назначать мне свидания как-нибудь не одновременно с твоими любовниками.

Г а л а. Почему?

Д а л и. Согласись, ситуация несколько конфузная.

Г а л а. Для тебя?

Д а л и. Для них. Молодые люди. Неокрепшая психика. Могут еще черт знает что подумать.

Г а л а. Не переживай. Моим любовникам этот процесс обычно не свойственен.

Д а л и. Ну, не надо перехваливать. Кое на что у них ума вполне хватает.

Г а л а. Например?

Д а л и. Вытрясать из тебя песеты. Которые кое-кто зарабатывает своим потом. Слезами. Кровью. Как выючный мул. Как батрак поденный.

Г а л а. Ну как же. Песеты! Вот о чем ты думаешь. А как же вдохновение, которое тебе дарил я? Если вычесть его стоимость из общей суммы, много ли останется в итоге?

Д а л и. Да дело не в этом.

Г а л а. А в чем? Неужели ревность проснулась? На старости лет. Ты же сам постоянно твердил. Любовь и ревность в одной бричке не ездят. Что ж это выходит? Твоя любовь испарилась?

Д а л и. А ты? Ты то сама? Вспомни. Ты ревновала меня всегда. И ко всем. К каждой горничной в отеле. Ко всякой пигалице, выклянчивающей автограф. Значит, что? У тебя любви ко мне не было вовсе?

Г а л а. Дурачок. Я тебя ревновала не ради себя.

Д а л и. А ради кого?

Г а л а. Ради твоей главной жены. Настоящей. И единственной.

Д а л и. Ее имя?

Г а л а. Живопись. Сам будто не знаешь.

Д а л и. А ты?

Г а л а. А я ... я всего лишь жалкая наложница. И гувернантка. И вообще. Я, может, только ради того и была послана в этот мир. Чтобы не дать свершиться очередной несправедливости.

Д а л и. Это какой же?

Г а л а. Когда такие титаны, как Ван Гог. Гоген. Модильяни. Умирают во цвете лет. От голода и лишений. И всеобщего презрения. Ты вполне мог повторить их участь. Если бы на твоём пути не оказалась я.

Д а л и. Тезис, конечно, спорный. (*Поспешно.*) Что касается его первой части.

Относительно того, кто от чего умирает.

Г а л а. А что касается второй?

Д а л и. Ну, тут ты меня убедила уже давно и бесповоротно.

Г а л а. В чем?

Д а л и. В том, что русская женщина может все. Как, ты говорила, какой-то ваш поэт сказал? Она и в горящем доме чего-то там ... И с конем на скаку.

Г а л а. Не с конем, а коня. Вечно ты всё ...

Д а л и. Да какая разница. И вообще. Что ты мне всё перечишь. В конце-то концов. Кто здесь гений? Ты или я?

Г а л а (*в зал*). Ну вот скажите мне. Бога ради. Как нормальная, здоровая женщина может жить с таким человеком. Это ли не испытание. Не подвиг. А ведь я прожила с ним пятьдесят лет. Подумать только! Целых полвека!

Д а л и. Ну так поделилась бы секретом. Такого достижения. Пока мы еще не окончательно надоели. Достопочтенной публике.

Г а л а. Придется. Ну что ж, слушайте меня. Все женщины мира. Все, без исключения. Сексапильные красотки и синие чулки. Домашние клуши и сопливые нимфетки. Я раскрою вам великую истину. Тайну нашего женского призвания. И счастья. Посмотрите на своего мужчину. Внимательней. Еще внимательней. И разглядите в нем дар божий. Он есть в каждом. Не обязательно это должен быть художник. Или поэт. Это может быть простой ловец анчоусов. Или сапожник. В каждом есть талант. Данный ему Всевышним. В каждом. Так вот найдите его. Раскройте. И тогда можете считать, что прожили свою жизнь не зря.

Д а л и. Легко сказать, найдите.

Г а л а. Сделать не сложнее. Главное только – поменьше паяться. Туда, куда не надо.

Д а л и. А именно?

Г а л а. На лицо мужчины. Его торс, плечи. Швейные причиндалы. Кошелек. Хотите понять, чего он на самом деле стоит – смотрите в глаза, и вам все станет ясно.

Д а л и. Так уж прямо и всё.

Г а л а. Самое главное. Его будущее.

Д а л и. Какое же будущее ты видишь сейчас в моих глазах?

Г а л а. Не очень радостное. Мы оба переживем свой век. И ты, и я. Да что там. Мы его уже пережили.

Д а л и. Это повод для скорби?

Г а л а. Все люди мечтают о долгой и счастливой жизни. И только те, кто пожил на своем веку, понимают, что самое важное – это умереть вовремя. Не раньше, и не позже. Это тоже счастье. Которое нас с тобой на сей раз обошло стороной.

Д а л и. Ну не все же ему нам улыбаться. Знать, пришло время платить по счету.

Г а л а. Ты так спокойно об этом говоришь. А ведь тебе по нему придется выложить двойную цену.

Д а л и. Мне суждено пережить не только свой век, но и тебя?

Г а л а. Но это нормально.

Д а л и. Потому что ты старше?

Г а л а. Потому что у нас разный темп. Я шагаю. Без остановки и только вперед. А ты ...

Д а л и. Прогуливаюсь. Не спеша. С тросточкой.

Г а л а. Вот именно. К тому же ты любишь жизнь гораздо больше чем я.

Д а л и. Прямо до неприличия.

Г а л а. И возраст тебя не так печалит. Чтобы постоянно искать забвения в молодых объятьях.

Д а л и. Снова в десятку. Да, я старею – и тем счастлив. В этом я полная противоположность гетевскому Фаусту. Подумать только, ему открывалась высшая

мудрость – старость, а он, жалкое существо, продал душу за юношеский румянец и младое невежество.

Г а л а. Не усложняй, он просто боялся смерти.

Д а л и. А кто ее не боится.

Г а л а. Я знаю кое-кого, кто зовет ее своей подружкой.

Д а л и. Преувеличение. Бравада. Я просто люблю с ней заигрывать. Чтобы потом, усыпив бдительность, в нужный момент дать деру.

Г а л а. Однажды ей это надоест, и она всерьез припрет тебя к стенке.

Д а л и. Тогда я скажу ей: «Сеньора, присядьте, отдохните! Может быть, бокал шампанского? Партейку в шахматы?» Я ведь, все-таки, в глубине души трус, и буду оттягивать до последнего.

Г а л а. Знаешь, что меня гнетет больше всего?

Д а л и. Что?

Г а л а. То, что я так и не смогла найти себе замену.

Д а л и. Разве это было в принципе возможно?

Г а л а. Ты же знаешь, все, что я обещаю, я делаю. Когда-нибудь. Все, чего хочу, сбывается. Рано или поздно.

Д а л и. Значит, ты не очень хотела.

Г а л а. Наверно. Когда я умру, не плачь.

Д а л и. Не буду. Увидишь. Зачем? Твоя смерть все равно не разлучит нас.

Г а л а. Так же как и твоя уже не соединит нас как прежде.

Д а л и. Еще один спорный тезис. Но, может быть, все-таки сменим тему? В конце концов, ты же не за этим меня сюда вызвала. Как я догадываюсь.

Г а л а. Правильно догадываешься. Я хочу, чтобы ты написал мой портрет.

Д а л и. Вот как? Который по счету?

Г а л а. Первый. Где я увижу не только свое лицо и тело.

Д а л и. Вот это новость. Я полагал, что во всех моих картинах живет твоя душа.

Г а л а. Эта будет последней, где она упокоится навеки.

Д а л и. Узнаю львицу по коготку. Ты всегда умела ставить невыполнимые задачи.

Г а л а. Решая такие, Дали и стал тем, кто он есть.

Д а л и. Убийственный аргумент.

Г а л а. В таком случае ... *(берет со столика рабочую куртку и подставляет ее Дали отверстиями рукавов)* ... прошу, профессор. *(Дали молча снимает пиджак и одевает куртку.)* Зажим, ... *(протягивает Дали палитру и кисть)* ... тампон, скальпель.

Д а л и. В таком случае, прошу на подиум. Пардон, на Олимп.

Г а л а *(направляясь к трону)*. Только, Бога ради, без халтуры.

Д а л и *(с претензией)*. Что такое?

Г а л а. Поговаривают, Дали стал повторяться.

Д а л и. Поговаривают! Да об этом без устали талдычат всю мою жизнь. И что. А море не повторяется? А закат? А рассвет?

Г а л а. Склонность к оправданиям – порок для мужчины.

Д а л и. У мужчины может быть только два порока. Скромность. И женщины. *(Поймав взгляд усевшейся в кресло Галы.)* Богини, разумеется, не в счет.

Г а л а. Хватит болтать. За дело!

Д а л и *(чинно поклонившись, протягивает кисть к холсту, но в последний момент останавливается и смотрит в зал)*. Вы что, всё еще здесь? У замочной скважины? Ну, братцы, пора бы и честь знать. Хорошенького понемножку. Начинается самая интимная

часть жизни гения. Куда соглядатаям вход заказан. В ней каждый взмах кисти – целая жизненная драма. Посему сеанс завершен. Не обессудьте. *(За кулисы.)* Занавес!

К О Н Е Ц